

ЗНАМЕНИТЫЙ
ХАРРИ ХОЛЕ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ЖАЖЖДА Ю НЕСБЁ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **33 000 000** КНИГ Ю НЕСБЁ

Annotation

«Харри Холе вышел на лестницу и сощурился на ярком июньском солнце....Он чувствовал, что все находится в гармонии, в равновесии...» Так заканчивается роман «Полиция», но не история любимого героя Ю Несбё. Увы, детектив Харри обманывал сам себя — мир по-прежнему был жесток и несовершенен, и требовалась сильная рука, чтобы навести в нем хотя бы подобие порядка. Харри Холе возвращается на службу в полицию Осло, чтобы начать охоту за серийным убийцей, нападающим на тех, кто назначает свидания через сайт знакомств. След преступника приводит детектива к его собственному мрачному прошлому...

Долгожданный 11-й роман из захватывающей серии о Харри Холе.

Впервые на русском языке!

Ю Несбё

Жажда

* * *

Он неподвижно смотрел в белое ничто.

Этим он занимался почти три года.

Его никто не видел, и он никого не видел. За исключением тех моментов, когда дверь отворялась и выпускала ровно столько пара, что на секунду становился различим силуэт обнаженного мужчины, а потом дверь затворялась и все вновь окутывал туман.

Баня уже закрывалась. Он остался один.

Потуже затянув пояс банного халата, он поднялся с деревянной скамьи, вышел к пустому бассейну и направился в раздевалку.

Ни плеска воды, льющейся из душа, ни разговоров на турецком, ни звука босых ног, шлепающих по плиткам пола. Он рассмотрел себя в зеркале и провел пальцем по все еще заметному шраму от последней операции. Немало времени потратил он на то, чтобы привыкнуть к новому лицу. Палец двигался дальше по горлу, по груди, к тому месту, где начиналась татуировка.

Он открыл навесной замок на шкафчике в раздевалке, надел брюки, накинул пальто поверх влажного банного халата, зашнуровал ботинки. Еще раз убедившись, что, кроме него, здесь никого нет, он подошел к шкафчику с кодовым навесным замком, отмеченным пятнышком синей краски. Набрал цифры 0999, снял замок и открыл дверцу. Быстро оглядел лежащий внутри большой красивый револьвер, обмотал его красным шарфом и спрятал в карман пальто. Затем достал конверт и раскрыл его. Ключ. Адрес и детальная информация.

В шкафчике лежала еще одна вещь.

Выкрашенная черной краской, железная.

Он взял ее одной рукой, поднес к свету и с восхищением начал рассматривать работу кузнеца.

Придется вымыть и очистить эту вещь, но он уже чувствовал возбуждение при мысли, что будет ею пользоваться.

Три года. Три года в белом ничто, в пустыне бессмысленных дней.

Теперь время настало. Настало время испить жизнь.

Время возвращаться.

Харри проснулся оттого, что его кто-то тряс. Он уставился в полумрак спальни. Это снова был *он*, он вернулся, он здесь.

— Кошмар, любимый?

Голос, раздавшийся рядом, был спокойным и теплым.

Харри повернулся к ней. Ее карие глаза изучали его. Призрак поблек и испарился.

— Я здесь, — сказала Ракель.

— А я здесь, — ответил он.

— Кто на этот раз?

— Никто, — соврал Харри и погладил ее по щеке. — Ну-ка, спи.

Он закрыл глаза. Выждал достаточно времени, чтобы быть уверенным, что она сделала то же самое. Открыл глаза и всмотрелся в ее лицо. На этот раз Харри увидел *его* в лесу, в болотистой местности, погруженной в белый туман, который окутывал их обоих. *Он* поднял руку и направил что-то в сторону Харри. Харри смог разглядеть вытатуированное лицо

демона на *его* обнаженной груди. А потом туман сгустился и *он* исчез. Снова исчез.
— А я здесь, — шепотом повторил Харри Холе.

Глава 1

Среда, вечер

Бар «Ревность» был почти пуст, и все же дышалось здесь тяжело.

Мехмет Калак разглядывал мужчину и женщину у стойки, наполняя их бокалы вином. Четверо посетителей. Третьим был мужчина, который сидел за столиком один и мелкими глотками потягивал пиво из полулитровой кружки, а четвертым — пара ковбойских сапог, торчащих из кабинки, темнота в которой периодически озарялась светом от дисплея мобильного телефона. Четверо посетителей в сентябрьский вечер в лучшем баре района Грюнерлёкка. Это никуда не годится, так не может продолжаться. Порой Мехмет задавал себе вопрос, почему он уволился с поста директора бара самого классного отеля города и стал единственным владельцем этого занюханного заведения с клиентами-алкашами. Может быть, потому, что думал: подняв цены, он сменит старую публику на тех, кого каждый хозяин рад видеть у себя, — на молодых людей, живущих по соседству, платежеспособных, не создающих проблем. А может, потому, что после расставания с девушкой ему было необходимо место, где он сможет работать до посинения. Или потому, что получил отказ от банка, после чего предложение акулы ростовщического бизнеса Даниала Бэнкса показалось привлекательным. Или просто-напросто потому, что это он решал, какую музыку ставить в баре «Ревность», а не чертов директор гостиницы, знавший всего одну мелодию — жужжание кассового аппарата. Выставить старых клиентов за дверь оказалось просто, теперь их пригрел дешевый бар в трех кварталах отсюда. Наверное, Мехмету стоит пересмотреть концепцию. Наверное, одного телевизионного экрана, по которому крутят только турецкий футбол, недостаточно для того, чтобы называться спортбаром. А что касается музыки, то, наверное, надо бы остановиться на классике: «U2» и Спрингстин для мужчин, «Coldplay» для женщин.

— У меня нечасто бывали свидания с женщинами, с которыми я познакомился в «Тиндере»^[1], — сказал Гейр и поставил свой бокал с белым вином на барную стойку. — Но я понял, что на этом сайте много странного.

— Правда? — спросила женщина, пряча зевок.

Блондинка, коротко стриженная. Стройная. Лет тридцати пяти, подумал Мехмет. Быстрые, немного суетливые движения. Усталые глаза. Слишком много работает и занимается спортом, так как надеется, что это создаст излишек энергии, которой ей всегда не хватает. Мехмет увидел, как Гейр поднял бокал, держа его тремя пальцами за ножку, так же как эта блондинка. На своих многочисленных свиданиях с женщинами из «Тиндера» он всегда заказывал то же, что и они, будь это виски или зеленый чай. Таким образом он хотел послать сигнал, что в этом отношении они тоже друг другу подходят.

Гейр кашлянул. С того момента, как она вошла в бар, прошло шесть минут, и Мехмет знал, что сейчас Гейр бросится в атаку.

— Ты красивее, чем на аватарке в «Тиндере», Элиса, — произнес он.

— Ты уже говорил, но все равно спасибо.

Мехмет протирал бокал и делал вид, что не слушает их разговора.

— Так расскажи мне, Элиса, чего ты хочешь в этой жизни?

Она вымученно улыбнулась:

— Мужчину, который ищет не только внешность.

— Не могу с тобой не согласиться, Элиса, лишь внутреннее содержание имеет значение.

— Это была шутка. На аватарке я выгляжу лучше, да и ты тоже, Гейр, если честно.

— Хе-хе, — произнес Гейр, застигнутый врасплох, и уставился в свой бокал. — Многие выбирают самую удачную фотку. Значит, тебе нужен мужчина. Какой именно?

— Тот, что хочет не работать и сидеть дома с тремя детьми. — Она бросила взгляд на часы.

— Хе-хе...

Пот выступил не только на лбу, но и по всей большой, гладко выбритой голове Гейра. И скоро у него появятся круги пота под мышками на черной обтягивающей рубашке (странный выбор, ведь он не был ни особенно стройным, ни мускулистым). Гейр повертел бокал в руках.

— Именно такое чувство юмора мне по вкусу, Элиса. Но моя семья — это моя собака, и мне этого пока достаточно. Ты любишь животных?

«Tangrim^[2], не пора ли выложить карты на стол?» — подумал Мехмет.

— Если встречу нужного человека, я почувствую, что мы подходим друг другу здесь...

— И здесь. — Он улыбнулся, понизил голос и указал на ширинку. — Но сначала надо выяснить, подходим ли мы друг другу здесь. Что скажешь, Элиса?

Мехмет содрогнулся. Гейр ринулся в бой, и по его самоуверенности, скорее всего, будет нанесен удар.

Женщина отодвинула в сторону свой бокал, наклонилась к Гейру, и Мехмету пришлось напрячься, чтобы услышать:

— Можешь пообещать мне одну вещь, Гейр?

— Конечно. — Его взгляд и голос были оживленными, как у щенка.

— Обещай, что, после того как я сейчас выйду отсюда, ты никогда не попытаешься связаться со мной.

— Конечно.

Мехмет восхитился тем, что Гейр смог выдавить из себя улыбку.

Женщина откинулась назад:

— Это не потому, что ты похож на преследователя, Гейр, просто, видишь ли, у меня есть опыт нескольких неудачных свиданий. Один из парней начал меня преследовать. Он угрожал другим моим ухажерам. Надеюсь, ты понимаешь, что теперь я стараюсь быть осторожной.

— Понимаю. — Гейр поднял свой бокал и осушил его. — Да, мы уже говорили, что вокруг полно сумасшедших. Но не бойся, ты в безопасности. По статистике, шансов быть убитым у мужчины в четыре раза больше, чем у женщины.

— Спасибо за вино, Гейр.

— Если одному из нас троих...

Мехмет быстро отвернулся, когда Гейр показал на него пальцем.

— ...предстоит быть убитым сегодня вечером, то шансы, что это будешь ты, составляют один к восьми. Или погоди-ка, надо разделить на...

Она поднялась:

— Надеюсь, ты справишься с вычислениями. Всего хорошего.

После ее ухода Гейр какое-то время сидел, уставившись в свой бокал, и кивал в такт мелодии «Fix You», словно пытался убедить Мехмета и других возможных свидетелей, что он уже отбросил все воспоминания о случившемся и что эта женщина была трехминутной попсовой песенкой, которая забывается в один миг. Потом он, не прикоснувшись к бокалу,

встал и покинул бар. Мехмет огляделся. Ковбойские сапоги и парень, домучивший свои пол-литра, тоже ушли. Он был один. И кислород опять появился. С помощью мобильного телефона Мехмет поменял плей-лист на свой. «Bad Company» с участниками групп «Free», «Mott The Hoople» и «King Crimson»^[3] были беспроектным вариантом. А с вокалом Пола Роджерса — беспроектным абсолютно. Мехмет увеличил громкость, и бокалы за стойкой начали позвякивать, соприкасаясь друг с другом.

Элиса шла по улице Торвальда Мейера между простыми четырехэтажными домами, где когда-то жили представители рабочего класса в бедном районе бедного города, а сейчас квадратный метр жилья здесь стоил столько же, сколько в Лондоне или Стокгольме. Сентябрь в Осло. Наконец вернулась мгла, а раздражающе светлые летние ночи с истеричными, веселыми и безумными проявлениями жизни остались позади. В сентябре Осло вновь становится самим собой: меланхоличным, сдержанным, эффективным. Прочный фасад не без темных мест и тайн. Так же говорили и о ней, Элисе. Она ускорила шаг. Воздух был пропитан дождем, мелким дождиком, будто Господь чихнул, как заявил, силясь казаться поэтичным, один из тех, с кем она встречалась. Она уберет свой профиль из «Тиндера». Завтра же. Хватит. Хватит похотливых мужиков, которые назначали свидание в барах и своими взглядами заставляли ее чувствовать себя проституткой. Хватит чокнутых психов и преследователей, которые, устроившись поудобнее, высасывали из нее время, энергию и чувство безопасности. Хватит высокопарных неудачников, заставлявших ее думать, что она — одна из них.

Говорят, что свидания по Интернету — новый способ знакомиться с людьми, что этого больше не стоит стыдиться, что так делают все. Но это неправда. Люди знакомятся на работе, в читальном зале, у друзей, в спортивных клубах, в кафе и барах, в самолетах, автобусах и поездах. Они встречаются так, как положено, — не напрягаясь, не испытывая давления, и эти встречи создают у них романтические иллюзии о невинности, чистоте и персте судьбы. Элиса хотела окружить себя иллюзиями. Она удалит свой профиль. Она и раньше давала себе такое обещание, а теперь выполнит его, и прямо сегодня вечером.

Элиса перешла улицу Софиенберггата и достала ключ от двери подъезда рядом с овощным магазином. Она толкнула дверь, шагнула во тьму. И резко остановилась.

Их было двое.

За несколько секунд ее глаза достаточно привыкли к темноте, и она смогла рассмотреть, что у них в руках. У обоих мужчин были расстегнуты ширинки, а их члены торчали наружу.

Она попятилась, не оборачиваясь, уповая на то, что позади никого нет.

— Ох, черт, сорри...

В юном голосе смешались облегчение и извинение. Лет восемнадцать-двадцать, прикинула Элиса. Нетрезвые.

— Эй, — произнес другой, смеющийся голос, — ты обоссал мои ботинки!

— Это брызги!

Элиса плотнее закуталась в пальто и прошла мимо парней, отвернувшихся к стене.

— Здесь вам не писсуар, — бросила она.

— Сорри, не могли терпеть. Больше не повторится, блин.

Гейр быстро шагал по улице Шлеппегрельс-гате и размышлял. Совершенно неверно, что из двух мужчин и одной женщины именно у женщины шансы быть убитой составляют один к

восьми, это уравнение намного сложнее. Все постоянно оказывалось намного сложнее.

Он миновал улицу Румсдалсгата, как вдруг что-то заставило его обернуться. Метрах в пятидесяти позади него шел какой-то человек. Гейр не был уверен, но разве это не тот же мужчина, что стоял на другой стороне улицы и смотрел на окна бара «Ревность», когда он выходил оттуда? Гейр ускорил шаг. Он шел на восток, в сторону района Дэлененга и шоколадной фабрики, в этой части города людей на улицах не было, только на остановке стоял автобус — наверное, опередил расписание и теперь выжидает нужное время. Гейр бросил взгляд назад. Мужчина все еще находился на том же расстоянии. Гейр боялся людей с темной кожей, всегда боялся, но этого мужчину он никак не мог разглядеть. Они покидали белый, реконструированный район и направлялись туда, где располагалось социальное жилье и селились иммигранты. Гейр уже видел подъезд собственного дома, до которого оставалось метров сто. Но, обернувшись, он заметил, что мужчина перешел на бег. Мысль о том, что по пятам за ним следует сомалиец, получивший глубокие душевные травмы в Могадишо, заставила его взять ноги в руки. Гейр не бегал уже много лет, и всякий раз, когда его пятки ударялись об асфальт, у него сотрясалась кора головного мозга, а картинка перед глазами начинала подергиваться. Он добежал до дому, с первой попытки вставил ключ в замок, вломился в подъезд и захлопнул за собой тяжелую деревянную дверь. Прислонился к влажному дереву, ощущая жжение в легких и мышечную боль от молочной кислоты в бедрах. Затем обернулся и выглянул через стекло в верхней части двери. Там, на улице, он никого не увидел. Возможно, это все-таки был не сомалиец. Гейр рассмеялся. Черт возьми, надо же, каким пугливым становишься после того, как немного поболтаешь об убийствах. А что там Элиса говорила об этом преследователе?

Гейр вошел в квартиру, однако дыхание так и не восстановилось. Он достал из холодильника пиво, увидел, что окно в кухне, выходящее на улицу, распахнуто, и закрыл его. Потом прошел в кабинет и зажег лампу.

Он нажал клавишу на компьютере, и большой двадцатидюймовый монитор загорелся.

Гейр набрал в поисковой строке «Порнхаб» и «французский» и начал просматривать фотографии, пока не нашел женщину, у которой хотя бы волосы были того же цвета, что и у Элисы, и такая же прическа. В квартире были тонкие стены, поэтому, прежде чем дважды кликнуть на картинку, он воткнул наушники в гнездо компьютера. Затем расстегнул брюки и спустил их с бедер. Женщина так мало походила на Элису, что Гейр закрыл глаза и сосредоточился на ее стонах, пытаясь вообразить маленький строгий рот Элисы, ее насмешливый взгляд, ее совершенно обычную, но оттого еще более сексуальную блузку. Ему никогда не заполучить ее. Никогда. Никаким другим способом, кроме этого.

Гейр остановился. Открыл глаза. Выпустил из рук свой член, почувствовав, как вздыбились волосы на затылке от дуновения холодного воздуха за спиной. Из двери, которую он плотно закрыл за собой. Он поднял руку, чтобы снять наушники, хотя знал, что уже слишком поздно.

Элиса накинула цепочку на дверь, сбросила в коридоре туфли и, как обычно, провела рукой по фотографии сбоку от зеркала, на которой была запечатлена вместе с Ингвиль, дочкой ее тети. Смысл этого ритуала был ей не до конца ясен, но, видимо, он отвечал на какую-то глубинную человеческую потребность, как отвечают истории о том, что ждет нас после смерти. Элиса вошла в гостиную своей маленькой, но принадлежащей ей на правах собственности уютной двухкомнатной квартиры и улеглась на диван. Она проверила

телефон. Сообщение с работы о переносе завтрашней утренней встречи. Парню, с которым Элиса виделась сегодня вечером, она не сказала о том, что работает адвокатом пострадавшей стороны в делах об изнасилованиях. И что его статистика, говорившая, что мужчин убивают чаще, была всего лишь полуправдой. В преступлениях на сексуальной почве вероятность того, что жертвой станет женщина, в четыре раза выше. В частности, по этой причине, купив квартиру, Элиса первым делом сменила замки и установила дверную цепочку, что было совершенно не по-норвежски, и она до сих пор не слишком ловко управлялась с этой конструкцией.

Она открыла «Тиндер». Сайт утверждал, что у нее совместимость с тремя мужчинами, профили которых она сегодня вечером отложила вправо. Вот что прекрасно: с ними не надо было встречаться, достаточно просто знать, что они существуют и хотят с ней познакомиться. Может быть, она все-таки позволит себе последний письменный флирт с двумя участниками этой виртуальной троицы, перед тем как полностью стереть свой профиль и удалить приложение?

Нет. Стереть сейчас.

Она вошла в меню, заполнила графы, и наконец на экране появился вопрос, действительно ли она хочет удалить свой профиль.

Элиса посмотрела на указательный палец. Он дрожал. Господи, неужели у нее развилась зависимость? Зависимость от подтверждения того, что существует некто, совершенно не догадывающийся о том, кто она или какая она, во всяком случае некто, кому она интересна такой, какая она есть. По крайней мере, какая она есть на аватарке. Полная зависимость или легкая? Это она запросто выяснит, если сейчас же сотрет свой профиль и пообещает себе месяц не пользоваться «Тиндером». Один месяц, а если это ей не удастся, значит с ней что-то не так. Дрожащий палец приблизился к клавише «удалить».

Если у нее все-таки имеется так называемая зависимость, насколько это опасно? Каждому из нас надо ощущать, что у нас кто-то есть и что мы есть у кого-то. Элиса читала, что грудные дети могут умереть при отсутствии минимального тактильного контакта. Она сомневалась, что это правда, но, с другой стороны, какой смысл жить, если живешь только для себя, ради работы, пожирающей тебя, и ради друзей, связи с которыми, честно говоря, она поддерживала преимущественно из чувства долга, а также потому, что гложущий страх одиночества был хуже их утомительных жалоб на детей и мужей или на отсутствие минимум одной из этих составляющих. А вдруг ее мужчина как раз сейчас находится в «Тиндере»? В общем, хорошо, последний раз. Первую появившуюся фотографию она отложила влево. В мусорное ведро, в группу «Я тебя не хочу». То же и со второй. И с третьей.

Мысли ее блуждали. Она ходила на лекцию, где психолог, близко общавшийся с некоторыми наиболее опасными насильниками в стране, рассказывал, что мужчины совершают убийства из-за секса, денег и власти, а женщины — из ревности и страха.

Она остановилась на очередном изображении. Что-то в узком лице было ей смутно знакомо, несмотря на нечеткий и темноватый снимок. Такое происходило и раньше, «Тиндер» сводил людей, которые были очень близко друг от друга. И по сведениям «Тиндера», этот мужчина находился в каком-нибудь километре от нее; более того, исходя из известных ей данных, он мог проживать в том же квартале, что и она. Размытость фотографии свидетельствовала о том, что он, во всяком случае, не изучал советы о правильной тактике поведения в «Тиндере», а это само по себе — плюс. Его сообщение было простым: «Привет». Никаких попыток выделиться. И если уж без особой фантазии, то точно

с уверенностью в себе. Да, ей бы определенно понравилось, если бы на какой-нибудь вечеринке к ней подошел мужчина и просто сказал «привет», глядя на нее спокойным твердым взглядом, говорившим: «Ты готова зайти дальше?»

Элиса переместила фотографию вправо. В группу «Мне любопытно, кто ты».

И тут же ее айфон радостно звякнул, сообщив, что найдена еще одна совместимость.

Гейр тяжело задышал носом.

Он натянул брюки и медленно повернулся на стуле.

Комнату освещал только монитор, и в его свете были видны туловище и руки человека, стоявшего позади. Лица Гейр не различал, только белые руки, что-то протягивавшие ему. Черный кожаный ремень. С петлей на конце.

Человек сделал шаг вперед, и Гейр машинально подался назад.

— Ты знаешь единственное, что, как мне кажется, примитивнее тебя? — прошептал голос в темноте, пока руки протягивали ремень.

Гейр сглотнул.

— Сука, — произнес голос. — Чертова сука, с которой ты пообещал делать все, что положено. Которая срет на полу в кухне, потому что ее никто не в состоянии выгулять.

Гейр кашлянул:

— Но, Кари...

— Идите погуляйте. И не трогай меня, когда будешь ложиться.

Гейр взял собачий ошейник, и дверь за женщиной захлопнулась.

Он сидел в темноте и моргал.

Девять, подумал он. Двое мужчин и одна женщина, одно убийство. Шанс того, что жертвой станет женщина, составляет один к девяти, а не один к восьми.

Мехмет осторожно ехал на старом «БМВ» из центра по направлению к району Хельсос, к виллам, видам на фьорд и более чистому воздуху. Он свернул на тихую, сонную улочку и увидел, что у гаража перед домом стоит черный «Ауди Р8». Мехмет сбросил скорость и на мгновение задумался, не дать ли снова газу, не продолжить ли движение. Он знал, что это будет всего лишь отсрочкой. С другой стороны, именно это ему и было нужно. Отсрочка. Но Бэнкс снова найдет его, а сейчас, возможно, настал нужный момент: темно, тихо и никаких свидетелей. Мехмет припарковался у тротуара. Он открыл бардачок и посмотрел на предмет, который положил туда несколько дней назад, предполагая, что возникнет как раз такая ситуация. Мехмет убрал предмет в карман пиджака и сделал вдох. Затем вышел из машины и направился к дому.

Дверца «ауди» распахнулась, и из машины выбрался Даниал Бэнкс. Когда они встречались в ресторане «Жемчужина Индии», Мехмет знал, что пакистанское имя и английская фамилия, скорее всего, такая же фальшивка, как и автограф этого человека на так называемом документе, который они подписали. Однако наличные в чемодане, который он передвинул через стол, были очень даже настоящими.

Галька перед гаражом скрипела под подошвами Мехмета.

— Хороший дом, — сказал Даниал Бэнкс, прислонившись к машине и сложив руки на груди. — Твой банк не захотел принять его в качестве залога?

— Я тут снимаю, — ответил Мехмет. — Подвальный этаж.

— Вот не повезло мне, — протянул Бэнкс. Он был намного ниже Мехмета, но когда

поигрывал бицепсами под пиджаком, так не казалось. — Ведь тогда нам нет смысла сжигать его дотла, чтобы ты получил деньги по страховке и вернул свой долг, верно?

— Никакого смысла.

— И тебе не повезло, потому что это означает, что мне придется применить болезненные методы. Хочешь узнать какие?

— А ты не хочешь сначала узнать, могу ли я расплатиться?

Бэнкс покачал головой и вынул из кармана некий предмет:

— Срок платежа истек три дня назад, а я ведь говорил, что пунктуальность — это все. Чтобы не только ты, но и остальные мои заемщики знали, что подобное неприемлемо, мне придется реагировать, не делая исключений.

Он поднес предмет к свету гаражного фонаря. У Мехмета перехватило дыхание.

— Понимаю, что это не особенно оригинально, — сказал Бэнкс и склонил голову набок, разглядывая кусачки. — Однако это действует.

— Но...

— Можешь выбрать палец. Большинство предпочитает мизинец на левой руке.

Мехмет почувствовал, как забурлили чувства. Его переполнял гнев, и грудь поднялась, когда он втянул воздух в легкие.

— У меня есть решение получше, Бэнкс.

— Вот как?

— Я понимаю, что это не особенно оригинально, — произнес Мехмет, опустил правую руку в карман пиджака, вынул то, что там лежало, и протянул это Бэнксу, держа обеими руками. — Однако это действует.

Бэнкс удивленно посмотрел на него. Медленно кивнул.

— Ты прав, — сказал он, взял пачку купюр, которую протягивал ему Мехмет, и снял с нее резинку.

— Это покроет очередной взнос и колебание курса кроны, — уточнил Мехмет. — Ну давай уже пересчитывай.

Звоночек.

Совместимость в «Тиндере».

Триумфальный звон телефона, когда кто-то, кого ты уже отправил направо, отправляет направо твою фотографию.

В голове у Элисы зашумело, сердце понеслось галопом.

Ей было знакомо хорошо известное воздействие звука поисковика совместимости в «Тиндере»: учащенное сердцебиение как следствие возбуждения. Этот звук высвобождал целый ряд гормонов счастья, от которых тоже может возникнуть зависимость. Но сердце ее застучало не поэтому.

Дело в том, что этот звоночек издал не ее телефон.

Но он звякнул в тот же миг, когда она перенесла фотографию вправо. Фотографию человека, который, по сведениям «Тиндера», находился от нее на расстоянии меньше километра.

Элиса посмотрела на закрытую дверь в спальню и сглотнула.

Должно быть, звук донесся из соседней квартиры. Здесь живет много одиноких людей, много потенциальных пользователей «Тиндера». А сейчас везде стояла полная тишина, даже этажом ниже, где у девчонок вечеринка была в полном разгаре, когда Элиса уходила из дому.

Но существует всего один способ избавиться от воображаемых чудовищ — посмотреть им в лицо.

Элиса поднялась с дивана и сделала четыре шага, отделявшие ее от двери в спальню. Она помедлила. В голове у нее пронеслась информация из нескольких дел о нападении, над которыми она работала.

Потом она собралась и открыла дверь.

Она стояла в дверях и судорожно ловила ртом воздух. Потому что воздуха не было. Во всяком случае, ей не удавалось его вдохнуть.

Над кроватью горел свет, и первое, что она увидела, — подошвы ковбойских сапог, закинутых на спинку кровати, джинсы и пару длинных перекрещенных ног. Мужчина, лежавший на кровати, выглядел как на аватарке: в темноте, почти не в фокусе. Но он расстегнул на себе рубашку и обнажил грудь. А на груди было нарисовано или вытатуировано лицо. Именно оно приковало взгляд Элисы. Беззвучно кричащее лицо. Как будто оно застряло и пыталось вырваться наружу. Элиса тоже не смогла закричать.

Когда человек, лежавший на кровати, поднял глаза, свет экрана мобильного телефона упал ему на лицо.

— Вот мы и встретились снова, Элиса, — прошептал он.

Услышав этот голос, она поняла, почему фотография профиля показалась ей знакомой. Цвет волос изменился. А лицо, должно быть, подверглось операции, на нем еще виднелись следы швов.

Он поднял руку и положил что-то в рот.

Элиса неотрывно смотрела на него, отступая назад. Потом она развернулась и вгнула в легкие воздух, зная, что этот воздух надо потратить на бег, а не на крик. До входной двери было всего пять, максимум шесть шагов. Она услышала, как скрипнула кровать, но ему предстояло проделать более длинный путь. Если только ей удастся выскочить на лестницу, она закричит, и придет помощь. Очутившись в коридоре, у входной двери, она повернула ручку и толкнула дверь, но дверь не хотела открываться полностью. Цепочка. Элиса захлопнула дверь и взялась за цепочку, но слишком медленно, как в кошмарном сне, понимая, что уже слишком поздно. Что-то закрыло ей рот, и ее потащило назад. В отчаянии Элиса высунула руку через входную дверь над цепочкой, ухватила за внешнюю фрамугу, попыталась закричать, но большая, пахнущая никотином рука слишком крепко зажимала ей рот. Потом ее оторвало от косяка, и дверь захлопнулась у нее перед носом. Над ухом раздался шепот:

— Я тебе не понравился? Ты тоже не так хороша, как на фотографии с сайта, детка. Нам надо познакомиться получше, ведь в прошлый раз н-нам это не удалось.

Голос. И почти незаметное заикание. Однажды она уже слышала его. Элиса стала брыкаться, пытаясь высвободиться, но ее как будто зажало в тиски. Он волок ее мимо зеркала, положив голову ей на плечо.

— Не твоя вина, что меня осудили, Элиса, доказательств было предостаточно. Я здесь не поэтому. Поверишь ли ты, если я скажу, что это случайность? — Он улыбнулся.

Элиса уставилась на его рот. Его зубные протезы из железа, выкрашенные в черный цвет и снабженные острыми клыками на верхней и нижней челюсти, напоминали лисьи капканы.

Они тихо поскрипывали, когда он раскрывал рот, — наверное, были на пружинах.

Теперь она вспомнила подробности того дела. Фотографии с места преступления. И поняла, что скоро умрет.

Тогда он укусил.

Элиса Хермансен попыталась заорать в его ладонь, увидев, как из ее шеи брызнула струя крови.

Он снова поднял голову и посмотрел в зеркало. Ее кровь стекала по его бровям и челке на подбородок.

— Вот это я называю с-совместимостью, детка, — прошептал он.

И снова укусил.

У Элисы закружилась голова. Сейчас он держал ее совсем не крепко. Мог и не держать, потому что парализующий холод и незнакомый мрак окутали пространство вокруг и внутри Элисы. Она высвободила руку и протянула ее к фотографии у зеркала. Попыталась коснуться карточки, но не смогла дотянуться кончиками пальцев.

Яркий утренний свет падал в окна гостиной и проникал в коридор.

Следователь по особо важным делам Катрина Братт в молчаливой задумчивости стояла перед зеркалом и разглядывала фотографию, воткнутую в раму. На ней женщина и маленькая девочка сидели в обнимку на камнях. У обеих мокрые волосы, обе обмотаны большими полотенцами, словно только что искупались нежарким норвежским летом и пытаются согреться, прижимаясь друг к другу. Но теперь их кое-что разделяло. Их разделила струйка крови, сбегавшая по поверхности зеркала через фотографию, прямо между двумя улыбающимися лицами. У Катрины Братт не было детей. Возможно, однажды она захочет детей, но не сейчас. Сейчас она — недавно разведенная женщина, нацеленная на карьеру, и ей это нравится. Разве нет?

Услышав тихое покашливание, Катрина подняла голову и встретила взглядом с человеком, лицо которого было покрыто шрамами, а линия волос на выпуклом лбу начиналась на удивление высоко. Трульс Бернтсен.

— В чем дело, инспектор? — спросила она.

Его лицо скривилось после ее намеренного напоминания о том, что, несмотря на пятнадцать лет службы в полиции, он все еще оставался в низком чине инспектора первого класса и по этой причине — и ряду других причин — никогда не смог бы занять должность следователя в отделе по расследованию убийств. Если бы его не устроил туда друг детства, начальник полиции Микаэль Бельман.

Бернтсен пожал плечами:

— Да в общем, ни в чем. Это ведь вы ведете расследование. — Он посмотрел на нее холодным собачьим взглядом, покорным и злобным одновременно.

— Опросите соседей, — сказала Братт. — Начните с тех, что живут этажом ниже. Нам особенно интересно знать, что они слышали и видели вчера и сегодня ночью. Но поскольку Элиса Хермансен жила одна, мы также хотим знать, с какими мужчинами она общалась.

— То есть вы полагаете, что это сделал мужчина и что они были знакомы прежде?

Только сейчас она заметила молодого человека, паренька, стоявшего рядом с Бернтсеном. Открытое лицо, светлые волосы. Красавчик.

— Андерс Виллер, приступил к работе сегодня.

Голос у него был высоким и звонким, глаза улыбались, и Катрина подумала, что он наверняка осознает силу своего очарования. Характеристика, написанная его бывшим начальником в Управлении полиции Тромсё, выглядела как настоящее признание в любви. Но в этом не было ничего странного, так как послужной список Виллера подтверждал изложенное в характеристике. Самые высокие оценки на экзаменах в Полицейской академии, которую он окончил два года назад, и хорошие результаты в должности так называемого инспектора второго класса с полномочиями следователя в Тромсё.

— Идите вперед, Бернтсен, — велела Катрина.

Тот зашаркал ногами по коридору, словно выражая пассивный протест против приказов начальницы-женщины, которая к тому же моложе его.

— Добро пожаловать, — сказала Катрина, протягивая пареньку руку. — Приношу свои извинения за то, что мы не были на месте и не приняли тебя как следует в твой первый день.

— Мертвые имеют преимущество перед живыми, — произнес Виллер.

Катрина узнала слова Харри Холе. Она заметила, что Виллер внимательно смотрит на ее руку, и сообразила, что до сих пор не сняла латексные перчатки.

— Они не прикасались ни к чему ужасному, — сказала она.

Виллер улыбнулся. Белые зубы. Десять дополнительных баллов.

— У меня аллергия на латекс, — ответил он.

Минус двадцать баллов.

— Ладно, Виллер, — произнесла Катрина Братт, по-прежнему протягивая ему руку. — Эти перчатки без присыпки, они произведены без использования аллергенных и эндотоксиновых материалов, и, если ты будешь работать в отделе по расследованию убийств, тебе придется надевать их довольно часто. Но конечно, мы можем перевести тебя в отдел экономических преступлений или...

— Ну уж нет, — рассмеялся он и пожал ей руку.

Она почувствовала, как по латексу растеклось тепло.

— Меня зовут Катрина Братт, я руковожу расследованием этого дела.

— Я знаю. Вы работали в группе Харри Холе.

— В группе Харри Холе?

— В Котельной.

Катрина кивнула. Она никогда не думала о них как о группе Харри Холе, это была всего лишь маленькая следственная группа из трех человек, созданная по особому случаю, чтобы вести независимое расследование убийств полицейских... Хотя название, конечно, все объясняло. После этого Харри вернулся в Полицейскую академию в качестве преподавателя, Бьёрн — в Брюн, в криминалистический отдел, а она сама — в отдел по расследованию убийств, где стала старшим следователем.

Глаза Виллера светились и по-прежнему улыбались.

— Жалко, что Харри Холе не...

— Жалко, что сейчас у нас нет времени поболтать, Виллер, нам надо убийство расследовать. Иди с Бернтсеном, слушай и учись.

Андерс Виллер криво улыбнулся:

— Вы хотите сказать, что *инспектор* Бернтсен может многому меня научить?

Братт приподняла бровь. Молодой, самоуверенный, бесстрашный. Это хорошо, но она понадеялась, что он не станет очередным подражателем Харри Холе.

Трульс Бернтсен нажал большим пальцем кнопку звонка, услышал, как за дверь в квартиру загудело, подумал, что пора прекращать обкусывать ногти, и отнял руку от кнопки.

Когда он пошел к Микаэлю и попросил перевести его в отдел убийств, Микаэль поинтересовался, зачем ему это надо. И Трульс прямо ответил: он хочет находиться немного выше в пищевой цепочке и при этом не работать до посинения. Любой другой начальник полиции, естественно, вышвырнул бы Трульса за дверь, но этот не мог. Эти двое слишком много знали друг о друге. Когда они были молоды, их связывало некое подобие дружбы, а позже — общая польза, которая объединяет рыбу-прилипалу и акулу. Но сейчас их намертво связывали общие грехи и обещания молчать о них. Именно поэтому Трульсу Бернтсену даже не приходилось задумываться, выдвигая свои требования.

Однако он начал сомневаться, насколько устраивают его эти притязания. В отделе убийств было две категории сотрудников: следователи и аналитики. И когда начальник

подразделения Гуннар Хаген сказал, что Трульс может сам выбирать, кем быть, Трульс понял, что едва ли его предназначение состоит в том, чтобы нести ответственность. В общем-то, это его устраивало. Но все же он был вынужден признать, что ему резало слух, когда старший следователь Катрина Братт, показывая ему отдел, постоянно называла его «инспектор» и особенно долго объясняла, как работает кофейный автомат.

Дверь открылась. На пороге стояли три молоденькие девушки и смотрели на него с выражением ужаса на лице. Наверняка они знали, что случилось.

— Полиция, — сказал Трульс, предъявляя удостоверение. — У меня есть несколько вопросов. Вы слышали что-нибудь между...

— Вопросов, на которые мы надеемся получить у вас ответы, — раздался голос у него за спиной.

Новичок. Виллер. Трульс заметил, что девичьи лица стали менее испуганными и даже почти засияли.

— Конечно, — кивнула та, что отперла дверь. — Вы знаете, кто... кто сделал... *это*?

— Об этом мы, конечно, ничего вам не скажем, — ответил Трульс.

— Но вот что мы можем сказать, — подхватил Виллер. — У вас совершенно нет причин бояться. Можно я угадаю? Наверное, вы студентки и вместе снимаете квартиру?

— Да, — произнесли они хором, будто каждая хотела ответить первой.

— А можно нам войти?

Трульс подумал, что у Виллера такая же белозубая улыбка, как и у Микаэля Бельмана.

Девушки провели их в гостиную. Две из них быстро собрали со стола пустые пивные бутылки и бокалы и исчезли.

— У нас здесь вчера была вечеринка, — сказала та, что отперла дверь, извиняющимся тоном. — Это ужасно.

Трульс не понял, что она имела в виду: убийство соседки или то, что во время убийства они здесь веселились.

— Слышали ли вы что-нибудь вчера вечером между девятью и полуночью? — спросил Трульс.

Девушка отрицательно покачала головой:

— Если бы Эльса...

— Элиса, — поправил ее Виллер, который вытащил блокнот и ручку.

Трульс подумал, что ему тоже стоило взять с собой блокнот и ручку. Он кашлянул:

— У вашей соседки был постоянный парень?

— Не знаю, — ответила девушка.

— Спасибо, это все, — сказал Трульс и повернулся к двери, собираясь уходить.

В этот момент в комнату вернулись две другие девушки.

— Возможно, нам стоит послушать, что они могут рассказать, — заметил Виллер. — Ваша подруга говорит, что вчера ничего не слышала и что не знает мужчин, с которыми Элиса Хермансен встречалась регулярно или в последнее время. Можете что-нибудь добавить?

Девушки посмотрели друг на друга, а потом повернулись к полицейским и одновременно покачали белокурыми головами. Трульс видел, что все их внимание отдано молодому следователю. Его это не беспокоило, он привык быть незаметным. Привык к легкому покалыванию в груди, которое возникало в те мгновения, когда в старших классах школы в Манглеруде Улла наконец обращалась к нему, но только для того, чтобы

поинтересоваться, где Микаэль. Или — поскольку это происходило до эпохи мобильных телефонов — может ли он передать Микаэлю то или другое. Однажды Трульс ответил, что это может быть затруднительно, поскольку Микаэль отправился в поход с подружкой. Не потому, что это было правдой, а потому, что он желал хотя бы один раз увидеть ту же боль, свою боль, в ее глазах.

— Когда вы в последний раз видели Элису? — спросил Виллер.

Три девушки снова переглянулись.

— Мы ее не видели, но...

Одна из них хихикнула и испуганно прикрыла рот, поняв, насколько это неуместно. Девушка, открывшая дверь, кашлянула:

— Энрике звонил сегодня утром и сказал, что он и Альф писали в подъезде, когда уходили домой.

— Ну это уже чересчур, — фыркнула самая крупная из них.

— Они просто слегка перебрали, — пояснила третья и снова хихикнула.

Девушка, открывшая дверь, бросила на своих подруг строгий взгляд, призывая их к порядку.

— В общем, пока они там стояли, в подъезд зашла женщина, и они позвонили, чтобы извиниться, на тот случай если их поведение выставило нас в дурном свете.

— Как мило с их стороны, — сказал Виллер. — И они думают, что эта женщина...

— Они *знают*. Они прочитали в Интернете, что «женщина лет тридцати убита», увидели фотографию нашего дома, погуглили и нашли в Сети ее фотку в одной из газет.

Трульс хрюкнул. Он ненавидел журналистов. Чертовы падальщики, все до одного. Он подошел к окну и выглянул на улицу. И там, за полицейской лентой оцепления, стояли они, к их камерам были привинчены большие объективы, напоминавшие Трульсу клювы грифов, когда репортеры приставляли их к лицу в надежде на мгновение узреть труп, который будут выносить из дома. Рядом с ожидающей «скорой» стоял мужчина в зелено-желто-красной растаманской шапке и беседовал с одетыми в белое ассистентами-криминалистами. Бьёрн Хольм из криминалистического отдела. Он кивнул своим людям и снова зашел в здание. Он как-то странно сутулился и сгибался, как будто у него болел живот, и Трульсу стало интересно, уж не связано ли это с тем, что, по слухам, ходившим в отделе, Катрина Братт недавно порвала с этим круглолицым уроженцем Тутена с рыбьими глазами. Отлично. Значит, кто-то еще почувствовал, что такое быть растерзанным на куски. Звонкий голос Виллера звучал будто издалека:

— Итак, их зовут Энрике и...

— Нет-нет, — засмеялись девушки, — Хенрик. И Альф.

Трульс поймал взгляд Виллера и кивнул в сторону двери.

— Большое спасибо, девушки, это все, — сказал Виллер. — Кстати, можно я запишу телефоны?

Девушки посмотрели на него с чем-то вроде наслаждения, смешанного с ужасом.

— Хенрика и Альфа, — добавил он, криво улыбнувшись.

Катрина стояла в спальне за спиной у судмедэксперта, сидевшей на корточках у кровати. Элиса Хермансен лежала на спине на стеганом одеяле. Но кровь растеклась по белой блузке так, что было понятно: когда лилась кровь, женщина стояла. Почти наверняка она стояла перед зеркалом в коридоре: там ковер настолько пропитался кровью, что намертво прилип к

паркету. Следы крови между коридором и спальней, а также скромное ее количество в кровати говорили о том, что сердце Элисы прекратило биться еще в коридоре. Исходя из температуры тела и *rigor mortis*^[4], судмедэксперт определила, что смерть наступила между двадцатью тремя и часом ночи и что причиной смерти точно явилась кровопотеря, поскольку сонная артерия была проколота в одном или нескольких местах сбоку на шее прямо над левым плечом.

Брюки и трусы были стянуты до лодыжек.

— Я взяла соскобы с ногтей, но невооруженным глазом никаких следов кожи не обнаружила, — сказала судмедэксперт.

— Когда это вы начали работать за криминалистов? — спросила Катрина.

— Когда Бьёрн нас попросил, — ответила та. — Он умеет просить.

— Вот как? А другие повреждения?

— У нее царапина на левом предплечье и деревянная заноза на внутренней стороне указательного пальца.

— Следы насилия?

— Никаких видимых следов повреждения в области половых органов, но это... — Она рассматривала живот жертвы через лупу. Катрина заглянула в нее и увидела тонкую прозрачную полоску. — Это может быть слюной ее или кого-нибудь другого, но больше похоже на предэякулят или семя.

— Будем надеяться, — пробормотала Катрина.

— *Надеяться* на изнасилование? — В комнату вошел Бьёрн Хольм и встал за спиной у Катрины.

— Если это было изнасилование, все свидетельствует о том, что оно произошло после смерти, — сказала она, не оборачиваясь. — Так что она все равно ничего не почувствовала. И я хочу получить немного семени.

— Я шучу, — тихо произнес Бьёрн на своем теплом тутенском диалекте.

Катрина закрыла глаза. Естественно, он знал, что в таких случаях семя — это ключ к разгадке. И естественно, он пытался подшучивать, пытался разрядить то странное, болезненное напряжение, которое существовало между ними все три месяца, прошедшие с того времени, как она съехала. Она пыталась вести себя так же, только у нее не получалось.

Судмедэксперт посмотрела на них снизу вверх.

— Я здесь закончила, — сказала она, поправляя хиджаб.

— «Скорая» здесь, мои люди вынесут тело, — сказал Бьёрн. — Спасибо за помощь, Захра.

Судмедэксперт кивнула и поспешила к выходу, словно она тоже ощутила напряжение.

— Ну и?.. — спросила Катрина и заставила себя посмотреть на Бьёрна.

Заставила себя не реагировать на пристальный взгляд, скорее грустный, чем действительно умоляющий.

— Да особо нечего сказать, — произнес Бьёрн и почесал пышные рыжие бакенбарды, выступающие из-под шапки-растаманки.

Катрина ждала, надеясь, что они все еще обсуждают убийство.

— Судя по всему, она не слишком заботилась о чистоте. Мы обнаружили волосы нескольких людей, преимущественно мужчин, но вряд ли все они были здесь вчера вечером.

— Она была адвокатом пострадавшей стороны, — сказала Катрина. — Одинокая женщина на такой ответственной работе, вполне возможно, не придавала первостепенного

значения чистоте, в отличие от тебя.

Он легко улыбнулся, не вступая с ней в спор. И Катрина снова почувствовала укол нечистой совести, которую ему всегда удавалось пробудить у нее. Конечно, они никогда не ссорились из-за уборки, потому что Бьёрн всегда быстро мыл посуду, лестницу, стиральную машину, ванную, сушилку без всяких упреков или обсуждений. То же и в других случаях. Ни одной чертовой ссоры за весь год, что они прожили вместе, — он этого всегда избегал. А когда она больше не могла выдерживать, он был рядом, внимательный, самоотверженный, неутомимый, как чертова раздражающая машина, и чем выше он возводил этот пьедестал, тем больше она ощущала себя идиотской принцессой.

— Откуда ты знаешь, что эти волосы мужские? — вздохнула она.

— Одинокая женщина на ответственной работе... — произнес Бьёрн, не глядя на нее.

Катрина сложила руки на груди:

— Что ты пытаешься сказать, Бьёрн?

— А? — Его бледное лицо слегка порозовело, а глаза выпучились больше обычного.

— Что я во всех вижу себя? Хорошо, если хочешь знать...

— Нет! — Бьёрн выставил руки перед собой, словно обороняясь. — Я не это имел в виду! Это просто неудачная шутка.

Катрина знала, что должна испытывать сочувствие. И в общем, она его испытывала. Но не то сочувствие, когда хочется кого-то обнять. Ее сочувствие более походило на презрение — презрение, которое пробуждало в ней желание ударить его, унижить. И именно потому, что она не хотела видеть Бьёрна Хольма, этого замечательного мужчину, униженным, она ушла от него. Катрина Братт сделала вдох.

— Значит, мужские?

— Почти все волосы короткие, — сказал Бьёрн. — Посмотрим, подтвердит ли это экспертиза. В любом случае у нас достаточно ДНК, чтобы на какое-то время занять Институт судебной медицины.

— Хорошо, — кивнула Катрина и снова повернулась к трупу. — Есть какие-то мысли насчет того, что он воткнул в нее? Или чем он ее исколол: на ней множество близко расположенных уколов.

Теперь, когда они вернулись к разговорам о работе, Бьёрн явно испытал облегчение. «Черт, какая же я испорченная», — подумала Катрина.

— Ну, это не так-то легко разглядеть, но раны составляют рисунок, — сказал он. — Точнее, два рисунка.

— Да?

Бьёрн подошел к трупу и указал на шею под короткими белокурыми волосами:

— Видишь, уколы образуют две немного вытянутые полуокружности, соединяющиеся друг с другом здесь и здесь.

Катрина склонила голову набок:

— Когда ты так говоришь...

— Как укус.

— Вот черт! — вырвалось у Катрины. — Зверь?

— Кто знает. Подумай: кожа сжимается и сворачивается в складку, когда сходятся верхняя и нижняя челюсти. И тогда остается след, как здесь... — Бьёрн Хольм достал из кармана кусочек полупрозрачной бумаги, и Катрина сразу узнала упаковку от бутербродов, которые он каждое утро готовил перед выходом на работу. На ней были углубления той же

овальной формы. Он поднес бумагу к уколам на шее. — Во всяком случае, похоже на укус тутенца.

— Человек не может так прокусить шею.

— Согласен. Но этот отпечаток похож на человеческий.

Катрина облизала губы:

— Существуют люди, которые затачивают зубы.

— Если это зубы, то мы, возможно, найдем слюну у ран. Так или иначе, если они стояли на ковре в коридоре, когда он ее укусил, то следы говорят нам, что он стоял позади нее и что он выше ростом.

— Судмедэксперт ничего не нашла у нее под ногтями, поэтому я думаю, что он крепко держал ее, — сказала Катрина. — Сильный, среднего или выше среднего роста мужчина с зубами хищника.

Они стояли и молча смотрели на труп. Как стоит молодая пара на художественной выставке, размышляя над увиденным, чтобы вскоре впечатлить друг друга своими рассуждениями, подумала Катрина. С той только разницей, что Бьёрн не стремился никого впечатлить. А вот она — да.

Катрина услышала шаги в коридоре.

— Сюда больше никому не входить! — прокричала она.

— Просто хотели сообщить, что дома были жильцы всего лишь двух квартир и никто из них ничего не видел и не слышал, — раздался высокий голос Виллера. — Но я только что разговаривал с двумя парнями, которые видели, как Элиса Хермансен возвращалась домой. Они говорят, она была одна.

— А эти парни...

— Ранее не привлекались и имеют чек из такси, который подтверждает, что они уехали отсюда около двадцати трех тридцати. Они сказали, что она застучала их, когда они писали в подъезде. Привезти их на допрос?

— Это не они сделали, но допросить их можно.

— Хорошо.

Шаги Виллера удалились.

— Она пришла одна, а никаких признаков взлома не видно, — сказал Бьёрн. — Думаешь, она добровольно его впустила?

— Только если она его хорошо знала.

— Да?

— Элиса работала адвокатом пострадавшей стороны по делам преступлений против нравственности, и ей все известно о рисках, а цепочка на входной двери выглядит довольно новой. Мне кажется, она была осторожной девочкой.

Катрина присела на корточки рядом с трупом и стала разглядывать занозу, торчащую из пальца Элисы, и царапину на предплечье.

— Адвокат потерпевшей стороны, — произнес Бьёрн. — А где?

— В «Холлумсен и Скири». Это они известили полицию, когда она не явилась на судебное заседание и не ответила на телефонный звонок. Нет ничего необычного в том, что насильники угрожают адвокатам потерпевшей стороны.

— Считаешь, один из...

— Нет, как я уже говорила, не думаю, что она кого-то впустила в квартиру. Но... — Катрина нахмурилась. — Ты согласен, что эта щепка бело-розового цвета?

Бьёрн склонился к ней:

— Во всяком случае, она белая.

— Бело-розовая, — повторила Катрина, поднимаясь. — Пойдем.

Они вышли в коридор, Катрина открыла входную дверь и указала на занозистый дверной косяк со стороны лестницы:

— Бело-розовый.

— Ну раз ты так говоришь... — протянул Бьёрн.

— Ты что, не видишь? — спросила она с недоверием.

— Исследования показывают, что женщины обычно различают больше оттенков цвета, чем мужчины.

— Но *это* ты видишь? — спросила Катрина, поднимая дверную цепочку, висящую на внутренней стороне двери.

Бьёрн нагнулся ниже. Его запах вызвал у нее испуг. Возможно, дело было просто в неожиданной близости.

— Ободранная кожа, — сказал Бьёрн.

— Царапина на предплечье. Понимаешь?

Он медленно кивнул:

— Она поцарапалась о дверную цепочку, которая, следовательно, была закрыта. Это не он ворвался в квартиру мимо нее, это она боролась за то, чтобы выбраться наружу.

— Мы в Норвегии не пользуемся дверными цепочками, мы запираем дверь на замок, и этого нам вполне достаточно. А если она впустила его в дом, если, к примеру, этот сильный мужчина был ей знаком...

— Она бы не стала возиться с дверной цепочкой *после* того, как сняла ее, чтобы впустить его. Тогда она бы чувствовала себя в безопасности. Следовательно...

— Следовательно, — перебила его Катрина, — когда она пришла домой, он уже находился в квартире.

— И она об этом не знала, — подхватил Бьёрн.

— Вот почему она закрыла дверь на цепочку: она думала, что опасность таится *снаружи*.

Катрина содрогнулась. Вот что называют восторгом, граничащим с ужасом. Чувство, возникающее у следователя, расследующего убийство, когда он внезапно начинает *видеть* и *понимать*.

— Харри был бы сейчас доволен тобой, — сказал Бьёрн и рассмеялся.

— Что такое? — спросила она.

— Ты покраснела.

«Я действительно испорченная», — подумала Катрина.

Глава 3

Четверг, вторая половина дня

Катрина никак не могла сосредоточиться во время пресс-конференции, на которой было сделано короткое сообщение о личности убитой, о ее возрасте, о том, где и когда был обнаружен труп, и это, пожалуй, все. На первой пресс-конференции сразу после убийства полиция обычно старается сказать как можно меньше, просто *присутствовать* во имя современной открытой демократии.

Рядом с Катриной сидел начальник отдела по расследованию убийств Гуннар Хаген. Вспышки фотоаппаратов отсвечивали от блестящей лысины в венчике темных волос, пока он читал короткие предложения, которые они сочинили вместе. Катрина была рада, что слово держал Хаген. Не то чтобы она боялась света прожекторов, но всему свое время. Ее назначили на должность следователя по особо важным делам совсем недавно, поэтому ей казалось надежнее предоставить говорить Хагену, а самой учиться, как это делать. Наблюдать, как опытному полицейскому руководителю, который больше использует язык тела и интонацию, чем факты, удастся убедить окружающий мир в том, что полиция контролирует ситуацию.

Она сидела и смотрела вверх голов приблизительно тридцати журналистов, собравшихся в зале для совещаний на четвертом этаже, на картину, которая занимала всю противоположную стену. На ней были изображены обнаженные купающиеся люди, по большей части молодые щуплые мальчики. Прекрасная невинная сцена из тех времен, когда еще не все истолковывалось в худшем смысле. И сама она была ничуть не лучше, поскольку считала художника педофилом. Хаген в ответ на какой-то вопрос журналиста повторил свою мантру: «На это мы ответить не можем». Эту фразу он повторял с незначительными вариациями, чтобы она не звучала высокомерно или даже комично: «В настоящее время мы не можем это прокомментировать». Или более дружелюбно: «К этому мы еще вернемся».

Катрина слышала шуршание ручек и клавиатур, записывающих вопросы, куда более красочные, чем ответы: «Можно ли назвать состояние трупа ужасающим? Есть ли на нем признаки сексуального насилия? Есть ли у полиции подозреваемый, и если да, то был ли этот человек близок с жертвой?»

Если ответить «без комментариев» на такие спекулятивные вопросы, можно вызвать раздражение, а то и что-нибудь похуже.

В дверях в самом конце зала появился знакомый силуэт. На одном глазу этого человека красовалась черная повязка, а одет он был в мундир начальника полиции, который, как было известно Катрине, всегда висел наглаженным в шкафу в его кабинете. Михаэль Бельман. Не заходя в зал, он просто стоял и наблюдал. Катрина заметила, что Хаген тоже увидел его и немного выпрямил спину под взглядом более молодого начальника Полицейского управления.

— На этом мы закончим, — произнес пресс-секретарь.

Катрина увидела, как Бельман подал знак, что хочет поговорить с ней.

— Когда следующая пресс-конференция? — прокричала Мона До, криминальный репортер газеты «ВГ»^[5].

— К этому мы еще...

— Когда у нас будет новая информация, — перебил Хаген пресс-секретаря.

«Когда», отметила про себя Катрина, а не «если». Этот маленький, но важный штрих сигнализировал о том, что слуги правового государства неустанно трудятся, что мельница справедливости вращается, а поимка виновных — всего лишь вопрос времени.

— Есть что-нибудь новое? — спросил Бельман, когда они шагали через атриум здания Полицейского управления.

Прежде его почти девичья красота, подчеркнутая длинными ресницами, ухоженными, немного длинноватыми волосами и смуглой кожей с характерными пигментными пятнами, иногда производила впечатление манерности, даже слабости. Но повязка на глазу, которую, конечно, можно было принять за театральный реквизит, на деле создавала противоположное впечатление. Она создавала впечатление силы — силы человека, которого не остановить даже ценой потери глаза.

— Криминалисты обнаружили кое-что в ранах, — сказала Катрина, проходя вслед за Бельманом через шлюз приемной.

— Слюну?

— Ржавчину.

— Ржавчину?

— Да.

— Как в... — Бельман нажал на кнопку вызова лифта.

— Мы не знаем, — сказала Катрина, становясь рядом с ним.

— И вам все еще неизвестно, как преступник попал в квартиру?

— Нет. Ее замок нельзя вскрыть, и ни двери, ни окна не взломаны. По-прежнему существует вероятность того, что жертва сама впустила убийцу, но в это нам слабо верится.

— Возможно, у него был ключ.

— В этом кондоминиуме такие замки, что ключ подходит к замку на двери в подъезд и к замку квартиры. В соответствии с журналом регистрации ключей кондоминиума от квартиры Элисы Хермансен существует всего один ключ. И он был у нее. Бернтсен и Виллер опросили двоих молодых людей, которые находились в подъезде, когда она возвращалась домой, и оба совершенно уверены в том, что она сама отперла дверь, то есть она не звонила в домофон, чтобы кто-то находящийся в ее квартире открыл ей дверь в подъезд.

— Понимаю. А убийца не мог просто сделать дубликат ключей?

— В таком случае ему пришлось бы раздобыть оригинал и найти мастера, который умеет изготавливать системные ключи и не чувствует угрызений совести, делая ключи без письменного согласия кондоминиума. Это крайне маловероятно.

— Хорошо, но я хотел поговорить с тобой не об этом...

Двери лифта перед ними раскрылись, и двое полицейских, выйдивших из кабины, машинально оборвали смех, увидев начальника полиции.

— Речь о Трульсе, — сказал Бельман, галантно пропустив Катрину перед собой в пустую кабину. — О Бернтсене.

— Вот как?

Катрина уловила слабый запах лосьона после бритья. Ей уже некоторое время казалось, что мужчины перестали бриться начисто и пренебрегают косметическими средствами. Бьёрн пользовался электробритвой и не добавлял никаких запахов, а те, которые были после него... ну что сказать, в паре случаев она предпочла бы удушливый одеколон, а не их естественный запах.

— Как он осваивается?

— Бернтсен? Хорошо.

Они стояли рядом, лицом к дверям лифта, но в наступившей тишине боковым зрением Катрина уловила кривую улыбку на лице Бельмана.

— Хорошо? — наконец повторил он.

— Бернтсен исполняет порученные ему обязанности.

— Могу предположить, что их не очень много.

Катрина пожалала плечами:

— У него нет опыта работы следователем. А его назначили в крупнейшее подразделение по расследованию убийств, если не считать Крипоса^[6]. В таком случае человека, как говорится, за руль не посадишь.

Бельман кивнул и почесал подбородок.

— Вообще-то, я просто хотел удостовериться, что он справляется. Что он не... что он следует правилам игры.

— Насколько мне известно, да. — (Лифт затормозил.) — А кстати, о каких правилах игры мы говорим?

— Я просто хочу, чтобы ты приглядела за ним, Братт. У Трульса Бернтсена были тяжелые времена.

— Вы думаете о травмах, которые он получил во время взрыва?

— Я думаю о его *жизни*, Братт. Он немного... как бы выразиться...

— Ущербный?

Бельман хмыкнул и кивнул в сторону открывшихся дверей:

— Твой этаж, Братт.

Пока Катрина Братт шла по коридору в сторону отдела по расследованию убийств, Бельман разглядывал ее хорошо натренированный зад и дал свободу фантазии на те несколько секунд, пока не закрылись двери лифта. А потом его мысли вернулись к проблеме. Которая, естественно, представляла собой не проблему, а возможность. Но тут возникала дилемма. Микаэль получил осторожный и в крайней степени неофициальный запрос из канцелярии премьер-министра. Совершенно очевидно, что в правительстве грядут перестановки и на кону, помимо прочих, стоит пост министра юстиции. У него спрашивали, что он — чисто гипотетически — ответил бы, если бы ему предложили этот пост. Вначале он был ошеломлен. Но после раздумий на эту тему понял, что их выбор логичен. В должности начальника полиции Бельман не только нес ответственность за разоблачение теперь всемирно известного Убийцы полицейских, но и сам лишился глаза в пылу борьбы и в определенном смысле стал звездой национального и международного масштаба. Имеющий юридическое образование и умеющий хорошо говорить сорокалетний начальник полиции, который уже с успехом защищает столицу от убийств, наркотиков и преступности, — разве не настало время дать ему более серьезное задание? И разве так уж плохо, что он хорошо выглядит, разве это привлечет *меньше* женщин в его партию? И Бельман ответил, что — чисто гипотетически — он бы согласился.

Он вышел из лифта на седьмом, последнем этаже и прошел мимо очереди портретов бывших начальников полиции.

Но до тех пор пока они не определятся, он должен позаботиться о том, чтобы не подмочить свою репутацию. Чтобы Трульс не вляпался в то, что может бросить тень на него,

Бельмана. Он содрогнулся при мысли о газетных заголовках: «Начальник полиции покрывает коррумпированного полицейского, своего друга».

Явившись к нему в кабинет, Трульс положил ноги на стол и прямо сказал, что, если его вышвырнут из полиции, он, по крайней мере, утешится тем, что вместе с ним в пропасть полетит такой же замаранный начальник полиции. Поэтому решение удовлетворить пожелание Трульса работать в отделе по расследованию убийств далось Бельману легко. Особенно потому, что, как сейчас подтвердила Братт, на него не будут возлагать ответственных поручений и он не сможет снова во что-нибудь вляпаться.

— В кабинете сидит ваша красавица-жена, — сказала Лена, когда Микаэль Бельман вошел в свою приемную.

Лене было хорошо за шестьдесят, и, когда четыре года назад Бельман вступил в должность, первым делом она попросила не называть ее ассистентом, как написано в обновленной должностной инструкции. Потому что она, Лена, была и будет секретарем приемной.

Улла сидела на диване у окна. Лена права, у него красивая жена. Она была гибкой и изящной, и трое родов не смогли этого изменить. Но что еще важнее, она обеспечивала ему тыл, понимая, что его карьере необходимы забота, поддержка, свобода. И что тот или иной необдуманный поступок в личной жизни объясним, если учесть, что человек живет в постоянном стрессе, вызванном сложной работой.

Была в ней какая-то неиспорченность, почти наивность, из-за которой все ее мысли и эмоции можно было прочесть у нее на лице. И сейчас он прочитал отчаяние. Поначалу Бельман подумал, уж не случилось ли чего с детьми, и уже собирался задать ей вопрос, как вдруг заметил тень злости. И он понял, что она что-то обнаружила. Опять. Проклятье.

— Ты такая серьезная, моя дорогая, — произнес он спокойно и направился к платяному шкафу, расстегивая мундир. — Это касается детей?

Улла отрицательно покачала головой. Бельман вздохнул с преувеличенным облегчением:

— Не то чтобы я не рад тебя видеть, но всегда вздрагиваю, если ты являешься без предупреждения.

Он повесил мундир в шкаф и сел в кресло напротив нее.

— Итак?

— Ты снова с ней встречался, — сказала Улла.

Он услышал, что она обдумывала, как произнесет эту фразу. И что планировала не расплакаться. Но слезы уже стояли в ее голубых глазах.

Бельман отрицательно покачал головой.

— Не отпирайся, — произнесла она глухим голосом. — Я проверила твой телефон. Ты звонил ей три раза только на этой неделе, Микаэль. Ты обещал...

— Улла... — Он потянулся через стол и взял ее за руку, но она высвободилась. — Я разговаривал с ней, потому что мне был нужен совет. Исабелла Скёйен сейчас работает советником по вопросам коммуникации в компании, которая специализируется на политическом лоббировании. Она знает политические дебри, она сама была в них. И она знает меня.

— *Знает?* — Лицо Уллы исказила гримаса.

— Если я... если мы собираемся сделать это, мне надо воспользоваться любыми преимуществами, чтобы быть на голову впереди тех, кто хочет получить эту должность. Правительство, Улла. Нет ничего выше этого.

— Даже семья? — Она шмыгнула носом.

— Ты прекрасно знаешь, что я никогда не предаю нашу семью...

— Никогда не предашь? — закричала Улла со всхлипыванием. — Да ты уже...

— ...и я надеюсь, что ты тоже не собираешься делать это, Улла. Во всяком случае, из-за беспочвенной ревности к женщине, с которой я обсуждаю по телефону чисто карьерные вопросы.

— Эта тетка всего лишь недолгое время была местным политиком, Микаэль. Что она может рассказать тебе?

— Помимо прочего — чего *не* следует делать, если хочешь продержаться в политике. Именно этот опыт они купили, взяв ее на работу. Например, человек не должен предавать собственные идеалы. Своих близких. Свои обязанности и свою ответственность. А если человек совершает ошибку, ему следует извиниться и попытаться в следующий раз сделать все правильно. Человек может ошибаться. Но не может предавать. И я этого не сделаю, Улла. — Он снова взял ее за руку, и на этот раз она не успела ее отдернуть. — Я понимаю, что после случившегося у меня нет права просить о многом, но, если я хочу справиться, мне нужны твое доверие и поддержка. Ты должна быть уверена во мне.

— Как я смогу...

— Иди сюда.

Бельман поднялся, не выпуская из руки ее ладонь, увлек ее за собой к окну и повернул лицом к городу. Он встал позади нее и положил руки ей на плечи. Поскольку Полицейское управление располагалось на вершине холма, они видели половину Осло, купающегося внизу под ними в солнечном свете.

— Хочешь ли ты быть со мной, чтобы что-то изменить, Улла? Хочешь ли ты помочь мне создать более безопасное будущее для наших детей? Для соседских детей, для этого города. Для нашей страны.

Он почувствовал по ней, что его слова возымели действие. Господи, да они и на него самого подействовали, прямо скажем, он растрогался. Хотя слова эти были более или менее точно позаимствованы из заметок, которые он делал для прессы. С того момента, как его спросят, не хочет ли он занять пост министра юстиции, и он согласится, и до того, как телевидение, радио и газеты начнут обрывать его телефон, чтобы получить комментарий, пройдет совсем немного времени.

После пресс-конференции Трульс Бернтсен вместе с Виллером вышел в атриум, и тут его остановила невысокая женщина.

— Мона До, «ВГ». Я видела вас раньше... — Она повернулась к спутнику Трульса. — А вы, наверное, новичок в отделе убийств?

— Точно, — улыбнулся Виллер.

Трульс оглядел Мону До с ног до головы. В общем-то, у нее было милое лицо. Широкое, немного саамское, может быть. Но он никак не мог понять, что у нее за фигура. Красочные широкие облачения, которые она носила, делали ее больше похожей на оперного критика старой школы, чем на матерого криминального репортера. Хотя ей не могло быть больше тридцати пяти, Трульсу казалось, что она была всегда — сильная, настойчивая и широкая. Свалить Мону До с ног было нелегко. Кроме того, от нее пахло мужчиной. По слухам, она пользовалась лосьоном после бритья «Олд-спайс».

— Не много же вы нам рассказали на пресс-конференции. — Мона До улыбнулась.

Так улыбаются журналисты, когда хотят что-то получить. Но в данной ситуации казалось, что она охотится не только за информацией. Взгляд ее был прикован к Виллеру.

— У нас больше ничего и нет, — сказал Виллер, улыбаясь ей в ответ.

— Я процитирую вас, — небрежно произнесла Мона До, делая заметки. — Имя?

— Процитируете что?

— Что у полиции на самом деле нет ничего, кроме того, что Хаген и Братт выложили на пресс-конференции.

Трульс заметил, как в глазах Виллера мгновенно вспыхнула паника.

— Нет-нет, я не это имел в виду... я... Не пишите ничего, пожалуйста.

Продолжая писать, Мона ответила:

— Я представилась журналистом, и всем должно быть понятно, что я нахожусь здесь в связи со своей работой.

Виллер посмотрел на Трульса в поисках помощи, но Трульс ничего не сказал. Сейчас мальчишка не казался таким крутым, как в тот момент, когда он очаровывал тех девушек, нет.

Виллер прокашлялся и попытался перевести свой высокий голос в более низкий регистр:

— Я не разрешаю вам использовать эту цитату.

— Понимаю, — ответила До. — Тогда это я тоже процитирую. То, как полиция пытается цензурировать прессу.

— Я... нет, это...

Румянец залил щеки Виллера, и Трульс еле сдержался, чтобы не расхохотаться.

— Расслабься, я просто подшучиваю над тобой, — сказала Мона До.

Какое-то мгновение Андерс Виллер пристально смотрел на нее, а потом выдохнул с облегчением.

— Добро пожаловать в игру. Мы играем жестко, но честно. И если можем, мы помогаем друг другу. Правда ведь, Бернтсен?

Трульс прохрюкал в ответ то, что они могли истолковать как хотели.

До полистала свой блокнот:

— Не буду повторять вопрос о том, есть ли у вас подозреваемый, — он для ваших начальников, но позвольте спросить вас об общем ходе расследования.

— Давайте, — согласился Виллер и улыбнулся, снова почувствовав себя на коне.

— Правда ли, что при расследовании подобных преступлений следствие всегда рассматривает бывших возлюбленных или любовников в качестве подозреваемых?

Андерс Виллер хотел было ответить, но Трульс предостерегающе положил руку ему на плечо:

— Я уже вижу вашу статью, До: «Руководители следствия не хотят информировать о наличии подозреваемых, но источник в полиции сообщил „ВГ“, что следствие будет проверять бывших возлюбленных и любовников жертвы».

— Ого, — произнесла Мона До, не прекращая делать пометки. — Не знала, что вы такой проницательный, Бернтсен.

— А я не знал, что вы знаете мое имя.

— О, понимаете ли, каждый полицейский обладает репутацией. А отдел убийств не настолько велик, чтобы я не успевала следить за происходящим. Но я ничего не знаю о тебе, новичок.

Андерс Виллер невыразительно улыбнулся.

— Вижу, ты решил держать язык за зубами, но скажи хотя бы, как тебя зовут.

— Андерс Виллер.

— А вот информация обо мне. — Она протянула визитку ему и, помедлив мгновение, Трульсу. — Как я уже говорила, у нас есть традиция помогать друг другу. А мы хорошо платим за хорошую информацию.

— Ну, наверное, полицейским-то вы не платите? — произнес Виллер, запихивая ее визитку в карман джинсов.

— Почему бы и нет? — сказала Мона До, скользнув взглядом по Трульсу. — Информация есть информация. Так что, если что-нибудь вспомните, звоните. Или забегайте в спортивный клуб «Гейн», я бываю там с девяти вечера и допоздна почти каждый день. И можем вместе попотеть... — Она улыбнулась Виллеру.

— Предпочитаю потеть на воздухе, — ответил Виллер.

Мона До кивнула:

— Бегаешь с собакой. Я думаю, ты собачник. Мне это нравится.

— Почему?

— У меня аллергия на кошек. Ладно, мальчики, в духе взаимопомощи обещаю позвонить, если я обнаружу что-нибудь, что, по моему мнению, сможет вам помочь.

— Спасибо, — сказал Трульс.

— Но тогда мне нужен номер, по которому я могу позвонить, — заметила Мона До, не отводя взгляда от Виллера.

— Да, конечно, — ответил он.

— Записываю.

Виллер диктовал цифру за цифрой, пока Мона не оторвала взгляд от блокнота:

— Это номер коммутатора Полицейского управления.

— Здесь я и работаю, — кивнул Андерс Виллер. — И кстати, у меня кот.

Мона До захлопнула блокнот.

— Увидимся.

Трульс проследил за тем, как она вперевалку, будто пингвин, направилась к выходу, к необычной тяжелой металлической двери с иллюминатором.

— Собрание начинается через три минуты, — сказал Виллер.

Трульс посмотрел на часы. Послеобеденные собрания следственной группы. Отдел по расследованию убийств был бы прекрасным местом, если бы не убийства. Убийство — это дерьмо. Убийство означало сверхурочную работу, написание рапортов, бесконечные собрания и стресс у людей. Но зато работающим сверхурочно полагалась бесплатная еда в столовой. Трульс вздохнул, повернулся, чтобы пройти к шлюзам, и остолбенел.

Это была она.

Улла.

Она направлялась к выходу, и взгляд ее скользнул по Трульсу, но она сделала вид, что не заметила его. Случалось, она так делала. Возможно, ей становилось нехорошо, когда они изредка встречались вдвоем, без Микаэля. Таких моментов оба они избегали даже в молодости. Он — потому что начинал потеть, и потому что сердце его колотилось слишком быстро, и потому что впоследствии он переживал по поводу того, какие глупости он ей сказал и какие умные, правильные вещи не сказал. Она — потому что... ну, наверное, потому, что он потел, сердце его колотилось слишком быстро и он либо молчал, либо говорил глупости.

И все-таки ему захотелось прокричать ее имя на весь атриум.

Но она уже подошла к металлической двери. Скоро она выйдет на улицу, и солнце поцелует ее красивые белокурые волосы.

И он прошептал ее имя про себя: «Улла».

Глава 4

Четверг, ранний вечер

Катрина Братт оглядела совещательную комнату, которую они называли КО-комнатой.

Восемь следователей, четыре аналитика, один криминалист. Все они были в ее распоряжении. И все следили за ней соколиным взглядом. Новый старший следователь, к тому же женщина. Катрина знала, что наибольшими скептиками из собравшихся были ее коллеги-женщины. И часто задумывалась над тем, не отличается ли она как-то фундаментально от других женщин. У них уровень тестостерона составляет пять-десять процентов от уровня их коллег-мужчин, а у нее — почти двадцать пять процентов. Пока еще это не сделало ее волосатым клубком мышц с клитором размером с пенис, но, насколько Катрина помнила, она была более возбудима, чем некоторые ее подруги, по их собственному признанию. Или «безумно возбудима», как выражался Бьёрн, когда она особенно распалялась и прямо посреди рабочего дня срывалась с места и неслась в Брюн только для того, чтобы заставить его взять ее в пустом складском помещении за лабораторией, да так, чтобы зазвенели коробки с колбами и трубками.

Катрина прокашлялась, включила запись на телефоне и начала:

— Итак, шестнадцать часов, четверг, двадцать второе сентября. Мы собрались в совещательной комнате номер один в отделе по расследованию убийств, и это первое собрание временной следственной группы, расследующей убийство Элисы Хермансен.

Катрина увидела, как опоздавший Трульс Бернтсен проскользнул в комнату и сел у самого входа.

Она продолжила рассказывать то, что уже было известно большинству собравшихся: Элиса Хермансен утром найдена мертвой, вероятная причина смерти — потеря крови, явившаяся следствием укуса в шею. Еще ни один свидетель не дал о себе знать. Пока что у них нет ни подозреваемого, ни подтвержденных материальных улик. Обнаруженный в квартире органический материал, который может принадлежать людям, отправлен на экспертизу ДНК, и надо надеяться, что ответ будет получен в течение недели. Остальные потенциальные материальные улики находятся на исследовании у криминалистов и судебных медиков. Или другими словами: у них ничего нет.

Катрина увидела, что несколько человек сложили руки на груди и тяжело вздохнули, почти что зевнули. И она знала, что они думают: это очевидные вещи, бессодержательные повторы, без веских причин забыть о других делах, над которыми они работают. Она еще раз рассказала, как дедуктивным методом пришла к выводу, что убийца к моменту прихода Элисы уже находился в квартире, но сама поняла, что это прозвучало как самовосхваление, как мольба нового начальника об уважении. Она почувствовала, как подступает отчаяние, и вспомнила о том, что ответил Харри, когда она позвонила ему, чтобы попросить совета.

«Поймай убийцу», — ответил он.

«Харри, я не об этом спрашивала, я спросила, как руководить следственной группой, которая не испытывает к тебе доверия».

«Я ответил тебе».

«Поимка того или иного убийцы не решает...»

«Она решает все».

«Все? И что она решила для тебя, Харри? Вот лично для тебя?»

«Ничего. Но ты спросила о руководстве».

Катрина окинула взглядом комнату, закончила еще одну лишнюю фразу, сделала вдох и заметила, как чья-то рука застучала пальцами по подлокотнику.

— Если Элиса Хермансен впустила этого человека ранним вечером и оставила его в квартире, пока сама отсутствовала, значит мы ищем человека, которого она знала. Поэтому мы проверили ее телефон и компьютер. Торд?..

Торд Грен встал. У него было прозвище Кулик, без сомнения, потому, что он походил на болотную птицу из-за чересчур длинной шеи и маленького клювообразного носа. На птицу, размах крыльев которой намного превышал длину тела. Архаичные круглые очки и длинные кудрявые волосы, обрамлявшие узкое лицо, наводили на мысли о семидесятих годах.

— Мы вошли в ее айфон и просмотрели список входящих и исходящих вызовов и звонков за последние три дня, — сказал Торд, не отводя глаз от своего планшета, поскольку он вообще избегал смотреть кому-либо в глаза. — Мы обнаружили только разговоры по работе. С коллегами и клиентами.

— А с друзьями? — спросил Магнус Скарре, следователь-тактик. — С родителями?

— Думаю, только с теми, о ком я сказал, — ответил Торд не то чтобы недружелюбно, а просто в порядке уточнения. — То же самое касается электронной почты. Только по работе.

— Адвокатская фирма подтверждает, что Элиса много работала сверхурочно, — добавила Катрина.

— Одинокие женщины так и делают, — заметил Скарре.

Катрина удрученно посмотрела на невысокого плотного следователя, хотя и знала, что этот комментарий не направлен против нее. Для этого Скарре не был ни достаточно коварным, ни достаточно находчивым.

— Ее компьютер не защищен паролем, но в нем мы тоже не обнаружили ничего интересного, — продолжил Торд. — Она в основном просматривала новости и искала данные. Она посещала несколько порносайтов, но совершенно обычных, и нет никаких следов того, что она связывалась с кем-нибудь посредством этих сайтов. Самое сомнительное ее действие за последние пару лет — скачивание фильма «Дневник памяти» с сайта «Попкорн тайм».

Поскольку Катрина не слишком хорошо знала компьютерного эксперта, она не поняла, что он имеет в виду под словами «сомнительное действие»: скачивание фильма с пиратского сервера или собственно выбор фильма. Сама она предпочла бы последнее. Хотела бы она иметь «Попкорн тайм».

— Я попробовал пару очевидных паролей, чтобы получить доступ к ее странице в «Фейсбуке», — сказал Торд. — Не сработало. Я отправил запрос о заморозке страницы в Крипос.

— Запрос о чем? — переспросил Андерс Виллер, сидевший в первом ряду.

— Обращение в суд, — пояснила Катрина. — Запросы о доступе к страницам «Фейсбука» направляются через Крипос и суд первой инстанции, и даже если они нас поддержат, запрос должен также пройти через суд в США и, возможно, через сам «Фейсбук». В лучшем случае это займет недели, а скорее, месяцы.

— У меня все, — сказал Торд Грен.

— Еще один вопрос от новичка, — подал голос Виллер. — Как вы вошли в ее телефон? При помощи отпечатка пальца трупа?

Торд на миг поймал взгляд Виллера, отвел глаза и отрицательно покачал головой.

— А как? Код на старых айфонах состоит из четырех цифр. Это дает нам десять тысяч различных...

— Микроскоп, — прервал его Торд и набрал что-то на планшете.

Катрина знала метод Торда, но не остановила его. Торд Грен не имел полицейского образования, как, в общем-то, и другого. Он несколько лет изучал информационные технологии в Дании, но никаких экзаменов не сдавал. И все же его довольно скоро нанял отдел информационных технологий Полицейского управления и назначил на должность аналитика, отвечающего за все технологические улики. Просто потому, что он был лучше всех остальных.

— Даже на самом прочном стекле остаются микроскопические углубления на тех местах, которых чаще всего касаются пальцы, — сказал Торд. — Я просто выясняю, где самые глубокие, и вот тебе код. То есть четыре цифры дают двадцать четыре варианта комбинаций.

— Телефон ведь блокируется после трех ошибочных попыток ввести код, — не унимался Андерс, — значит надо делать...

— Я угадал со второй, — сказал Торд и улыбнулся, но Катрина не поняла чему: то ли этому факту, то ли тому, что увидел на планшете.

— Ого! — произнес Скарре. — Вот это я называю удачей.

— Совсем наоборот, неудачей было то, что я не угадал с первой попытки. Когда код содержит цифры один и девять, как в данном случае, это, как правило, обозначение года. Тогда остается всего две возможности скомбинировать цифры.

— Довольно об этом, — вмешалась Катрина. — Мы разговаривали с сестрой Элисы, и она говорит, что у Элисы уже много лет не было постоянного мужчины. И что, по всей вероятности, она не хотела таких отношений.

— «Тиндер», — сказал Виллер.

— Что?

— У нее в телефоне было приложение «Тиндер»?

— Да, — ответил Торд.

— Мальчишки, которые видели Элису в подъезде, отметили, что она была нарядно одета. Значит, шла не с тренировки, не с работы и вряд ли от подружки. Если она не хотела иметь постоянного партнера...

— Хорошо, — сказала Катрина. — Торд?..

— Мы проверили приложение, и в нем было, мягко говоря, много совместимостей. Но «Тиндер» привязан к «Фейсбуку», так что доступ к возможной дальнейшей коммуникации с подписчиками «Тиндера» мы получим не скоро.

— Подписчики «Тиндера» встречаются в барах, — раздался чей-то голос.

Катрина удивленно подняла голову. Голос принадлежал Трульсу Бернтсену.

— Если у нее был с собой телефон, то надо всего лишь проверить базовые станции, а потом — бары в районе, где она находилась.

— Спасибо, Трульс, — сказала Катрина. — Мы уже проверили базовые станции. Стина?..

Одна из аналитиков выпрямила спину и кашлянула:

— В соответствии с выпиской из центра управления «Теленора» Элиса Хермансен начала перемещение от площади Янгсторге, где она работает, между половиной седьмого и семью. Она отправилась в район Бентсебрюа. Потом...

— Сестра сообщила, что Элиса ходила в спортклуб в Центре Мюренса, — вмешалась Катрина. — В клубе подтвердили, что Элиса отметила карточку в девятнадцать тридцать две и в двадцать один четырнадцать. Прошу прощения, Стина.

Стина немного скованно улыбнулась:

— Потом Элиса поехала в район своего местожительства, где она — или, по крайней мере, ее телефон — находилась до тех самых пор, пока не обнаружили ее тело. Таким образом, сигналы двух близко расположенных базовых станций перекрывали друг друга, что подтверждает: она перемещалась, но на расстояние не более нескольких сотен метров от своего дома в районе Грюнерлэッカ.

— Ну прекрасно, значит нам предстоит пройти по барам, — сказала Катрина.

Ответом ей было хихиканье Трульса, белозубая улыбка Андерса Виллера и гробовое молчание всех остальных.

Она подумала, что могло быть и хуже.

Лежащий перед ней телефон начал ползти к краю стола.

Она взглянула на дисплей и увидела, что звонит Бьёрн.

Речь могла идти о технических уликах, в таком случае хорошо бы сообщить о них остальным сотрудникам здесь и сейчас. С другой стороны, если он звонит по работе, то должен связываться со своим коллегой из криминалистического отдела, который сидит в этой комнате, а не с Катриной. Так что звонок мог быть частным.

Она уже собиралась нажать на «отклонить», когда сообразила: Бьёрну прекрасно известно, что сейчас она находится на совещании; в таких вопросах у него всегда был порядок.

Катрина поднесла трубку к уху:

— У нас сейчас совещание следственной группы, Бьёрн.

Она пожалела о том, что ответила на звонок, когда увидела, что взгляды всех присутствующих прикованы к ней.

— Я нахожусь в Институте судебной медицины, — сказал Бьёрн. — Мы только что получили результаты экспресс-теста прозрачного вещества, которое было у жертвы на животе. В нем нет человеческой ДНК.

— Черт! — вырвалось у Катрины.

Она все время держала это в голове: если та полоска — семя, преступление может быть раскрыто в пределах магического срока, то есть в течение первых сорока восьми часов. Весь ее опыт подсказывал, что по истечении этого срока раскрыть преступление будет сложнее.

— Но сам факт все равно может указывать на то, что у него был с ней сексуальный контакт, — сказал Бьёрн.

— И что заставляет тебя так думать?

— Эта полоска — смазка. Наверняка с презерватива.

Катрина снова чертыхнулась. И поняла по взглядам присутствующих, что до сих пор не произнесла ничего такого, из чего бы им стало ясно: этот разговор не носит личного характера.

— Значит, ты считаешь, что преступник воспользовался презервативом? — произнесла она громко и отчетливо.

— Он или кто-то другой, с кем она встречалась вчера вечером.

— Хорошо, спасибо.

Она собиралась завершить разговор, но, перед тем как отключиться, услышала, что

Бьёрн выкрикивает ее имя.

— Да? — спросила она.

— Я позвонил тебе не из-за этого.

Она сглотнула:

— Бьёрн, у нас тут...

— Орудие убийства, — выпалил он. — Мне кажется, я выяснил, что это. Можешь задержать группу еще минут на двадцать?

Он лежал на кровати в квартире и читал новости в телефоне. Он уже просмотрел все газеты. И был разочарован: они пропустили все детали и не написали ни о чем, что имело художественную ценность. Либо потому, что эта руководительница расследования, Катрина Братт, не хотела им ничего сообщать, либо потому, что она просто-напросто не сумела разглядеть в этом красоту. Но вот *он*, полицейский со взглядом убийцы, смог бы. Возможно, он, как и Братт, оставил бы это при себе, но уж точно оценил бы.

Он изучил фотографию Катрины Братт в газете.

Она красива.

Разве им не предписано надевать полицейскую форму на пресс-конференции? Может быть, только рекомендовано. Она не надела. Наплевала. Она ему нравилась. Он представил ее в форме.

Очень красива.

К сожалению, ее не было в повестке дня.

Он отложил газеты и провел рукой по татуировке. Время от времени ему казалось, что она настоящая, что она разрывается, что кожа на груди натягивается и готова лопнуть.

Ему тоже хотелось наплевать.

Он напряг мышцы живота и поднялся с кровати без помощи рук, посмотрел на себя в зеркало на дверце раздвижного шкафа. В тюрьме он занимался спортом. Не в спортивном зале — он не собирался лежать на скамейках и матах, пропитанных чужим потом. В камере. Не для того, чтобы накачать мускулы, а чтобы приобрести *настоящую* силу. Выносливость. Напряжение тела. Баланс. Способность терпеть боль.

Его мать была крупной женщиной с большим задом. Ближе к концу она позволила себе распуститься. Слабая. Наверное, тело и обмен веществ он унаследовал от отца. И силу.

Он отодвинул дверцу платяного шкафа.

Там висела форма. Он провел по ней рукой. Скоро он использует ее.

Он подумал о Катрине Братт. В форме.

Сегодня вечером он отправится в бар. В популярный, набитый людьми бар, не похожий на бар «Ревность». Он нарушит правило выходить в люди только для того, чтобы застеситься едой, сходить в баню и заняться делами, стоящими на повестке дня. Он будет скользить между людьми, возбуждающе анонимный и одинокий. Потому что ему это нужно. Нужно для того, чтобы не сойти с ума. Он тихо засмеялся. Сойти с ума. Психологи говорили, что ему необходимо наблюдаться у психиатра. И он прекрасно понимал, что они имели в виду: ему нужен человек, который может выписать лекарство.

Он достал с полки для обуви пару начищенных ковбойских сапог и мельком взглянул на женщину в шкафу. Она сохраняла вертикальное положение благодаря крюку на задней стенке шкафа, и ее глаза неподвижно смотрели сквозь висящую одежду. От нее слабо пахло лавандовыми духами, которыми он натирал ее грудь. Он задвинул дверцу.

Сумасшедший? Все они никчемные идиоты, все как один. В одной энциклопедии он прочитал определение расстройства личности: это психическое расстройство, которое приводит к «неприятным ощущениям и сложностям для больного или для окружающих». Ладно. В его случае речь шла исключительно об окружающих. Он же обладал именно той личностью, какую хотел. Потому что если у тебя есть питье, то что может быть лучше, рациональнее и нормальнее, чем испытывать жажду?

Он посмотрел на часы. Через полчаса на улице будет уже достаточно темно.

— Вот что мы обнаружили вокруг ран на шее... — Бьёрн Хольм указал на фотографию на экране. — Эти три фрагмента слева — ржавчина, а этот справа — черная краска.

Катрина села к остальным собравшимся. Бьёрн прибежал запыхавшись, его бледные скулы все еще блестели от пота.

Он постучал клавишами на своем компьютере, и на экране появилась увеличенная фотография повреждений на шее.

— Видите, места проколов на коже образуют определенный рисунок, будто ее укусил человек, но его зубы должны были быть острыми как шило.

— Сатанист какой-нибудь, — предположил Скарре.

— Катрина высказала идею, что кто-то просто заточил зубы, но мы проверили: в тех местах, где зубы почти прокусили кожную складку, они не сомкнулись, а очень точно встали между зубами другой челюсти. Следовательно, вряд ли это обычный человеческий прикус, когда зубы верхней и нижней челюсти расположены так, что просто соприкасаются друг с другом, зуб над зубом. А обнаруженная ржавчина наводит меня на мысль, что был использован какой-то железный зубной протез.

Бьёрн застучал клавишами.

Катрина ощутила, как по комнате пролетел тихий вздох.

На экране появился объект, с первого взгляда показавшийся Катрине похожим на старый ржавый капкан, который она однажды видела у дедушки в Бергене. Дедушка называл его «медвежьими ножницами». Острые зубцы были расположены зигзагом, а верхняя и нижняя челюсть скреплялись чем-то вроде пружинного механизма.

— Этот предмет из одной частной коллекции в Каракасе относится, по всей вероятности, ко временам рабства, когда проводились бои, на которые делались ставки. Двум рабам вставляли такие челюсти, а руки связывали за спиной, после чего бойцов выводили на ринг. Выживший отправлялся на следующий поединок. Я так думаю. Но дело в том...

— Спасибо, — сказала Катрина, напоминая ему о сути дела.

— Я попытался выяснить, где можно достать железный зубной протез вроде этого. И оказалось, что его не так-то просто заказать в интернет-каталоге. Так что если мы найдем человека, продававшего такие штучки в Осло или в других местах Норвегии, и выясним, кому он их продавал, то мы получим не очень длинный список.

Катрина сделала вывод, что Бьёрн вышел далеко за рамки обязанностей криминалиста, но не стала это комментировать.

— И еще одно, — сказал Бьёрн. — Крови не хватает.

— Не хватает?

— Содержание крови в теле взрослого человека в среднем составляет семь процентов от его веса. Существуют индивидуальные различия, но пусть даже жертва находилась на низком уровне шкалы, все равно: если сложить кровь, оставшуюся в теле, на ковре в коридоре, на

паркетe, и то небольшое, что было в кровати, не хватает почти полулитра. Так что если убийца не унес недостающее в ведре...

— ...то он его выпил, — закончила Катрина.

На три секунды в совещательной комнате установилась тишина.

Виллер кашлянул:

— А что насчет черной краски?

— На оборотной стороне кусочка краски обнаружена ржавчина, так что краска от того же предмета, — ответил Бьёрн, отсоединяя компьютер от проектора. — Но краска не очень старая. Я проведу анализ ночью.

Оглядев собравшихся, Катрина поняла, что они не очень поняли насчет краски и до сих пор думают о крови.

— Спасибо, Бьёрн. — Катрина поднялась и посмотрела на часы. — Теперь поход по барам. Вообще-то, сейчас время ложиться спать, поэтому давайте отправим домой тех, у кого есть дети, а мы, неплодовитые, останемся и разделимся.

Никто не ответил, не засмеялся, даже не улыбнулся.

— Прекрасно, так и поступим, — заключила Катрина.

Она почувствовала усталость, но стряхнула ее с себя. У нее появилось смутное осознание того, что это только начало. Железная челюсть и отсутствие ДНК. Пол-литра пропавшей крови.

Ножки стульев закрипели.

Катрина собрала свои бумаги, на мгновение подняла глаза и увидела, как спина Бьёрна исчезает за дверью. Она вновь ощутила странную смесь облегчения, нечистой совести и презрения к себе. И подумала, что это... неправильно.

Глава 5

Четверг, вечер и ночь

Мехмет Калак рассматривал пару, стоявшую перед ним. Глядя на женщину, у которой было красивое лицо с горящими глазами и точеная фигура в облегающей хипстерской одежде, совершенно не казалось невероятным, что она может подцепить привлекательного молодого человека лет на десять моложе ее. Вот именно таких клиентов он и хотел у себя видеть, поэтому, когда они вошли в дверь бара «Ревность», он улыбнулся им самой широкой из своих улыбок.

— Что скажете? — спросила женщина.

Она говорила на бергенском диалекте. Он запомнил только фамилию из предъявленного удостоверения: Братт.

Мехмет снова опустил глаза и посмотрел на фотографию, которую они положили на стойку перед ним.

— Да, — сказал он.

— Да?

— Да, она была здесь вчера вечером.

— Вы уверены?

— Она сидела примерно там, где вы сейчас стоите.

— Здесь? Одна?

Мехмет заметил, что женщина пытается скрыть возбуждение. Почему люди так поступают? Что опасного в том, чтобы показать свои чувства? Ему не нравилось, что приходится сдавать своего единственного постоянного клиента, но они предъявили удостоверения сотрудников полиции.

— Она была вместе с парнем, который сюда захаживает. А что случилось?

— Вы что, газет не читаете? — спросил светловолосый коллега Братт высоким голосом.

— Нет, предпочитаю новостные материалы, — ответил Мехмет.

Братт улыбнулась:

— Сегодня утром ее обнаружили убитой. Расскажите нам об этом мужчине. Что они здесь делали?

Мехмету показалось, что на голову ему вылили ведро ледяной воды. *Убита?* Женщина, меньше суток назад сидевшая здесь, прямо перед ним, теперь труп? Он взял себя в руки. И устыдился, когда в голове у него промелькнула мысль: если его бар будет упомянут в газетах, хорошо или плохо это скажется на бизнесе? Но ведь все-таки существует граница, ниже которой бизнес опуститься не может.

— Свидание по «Тиндеру», — сказал Мехмет. — Обычно он встречается здесь с женщинами. Он называет себя Гейром.

— *Называет себя?*

— Могу предположить, что это его настоящее имя.

— Разве он не расплачивается картой?

— Конечно.

Братт кивнула на кассовый аппарат:

— Вы сумеете отыскать его вчерашний счет?

— Думаю, это возможно, — хмуро улыбнулся Мехмет.

— Они ушли отсюда вместе?

— Точно нет.

— И это значит?..

— Что у Гейра, как обычно, были завышенные ожидания. В действительности она его послала еще до того, как я успел им налить. Кстати, вы хотите что-нибудь...

— Нет, спасибо, — отказалась Братт. — Мы на работе. Получается, она ушла отсюда одна?

— Да.

— Вы не заметили, кто-нибудь выходил вслед за ней?

Мехмет отрицательно покачал головой, поставил на стойку два бокала и взял бутылку яблочного сидра:

— Это от заведения, свежавыжатый, местного производства. Однажды вечером вы вернетесь сюда и получите по кружке пива от заведения. Первая бесплатно, знаете ли. То же самое касается ваших коллег из полиции, если вы решите позвать их с собой. Вам нравится эта музыка?

— Да, — ответил светловолосый полицейский. — «U2» — это...

— Нет, — перебила его Братт. — Скажите, женщина говорила или делала что-нибудь такое, что могло бы нас заинтересовать?

— Нет. Впрочем, раз уж вы завели об этом речь, она упоминала о типе, который ее преследовал. — Мехмет оторвал взгляд от бокалов. — Музыка играла тихо, а она говорила громко.

— Да, конечно. Находился ли в баре кто-нибудь еще, кто проявлял к ней интерес?

Мехмет покачал головой:

— Вечер был тихий.

— Такой, как сегодня?

Мехмет пожал плечами:

— Двое других посетителей ушли еще раньше Гейра.

— Тогда, наверное, не так сложно найти номера и их банковских карт?

— Я помню, что один из них заплатил наличными. А второй ничего не заказывал.

— Хорошо. Где вы сами находились между двадцатью двумя и часом ночи?

— Я? Я был здесь. Или дома.

— Кто-то может это подтвердить? Просто чтобы мы сразу проверили это и забыли.

— Да. Или нет.

— Да или нет?

Мехмет задумался. Втягивание в это дело ранее осужденного ростовщика могло создать дополнительные проблемы. Он прибережет свой козырь до той поры, когда он может понадобиться.

— Нет. Я живу один.

— Спасибо. — Братт подняла бокал, и Мехмет вначале подумал, что этим жестом она хочет поблагодарить его, но потом понял, что она указывает на кассовый аппарат. — Мы выпьем напиток из местных яблок, пока вы ищете, хорошо?

Трульс разобрался со своими барами и ресторанами очень быстро. Он показывал фотографию барменам и официантам и уходил, как только получал ожидаемый ответ «нет» или «не знаю». Если человек не знает, значит не знает, а этот день и так был слишком

длинным. Кроме того, в списке дел имелся еще один пункт.

Трульс нажал клавишу, чтобы поставить последнюю точку, и посмотрел на короткий, но, с его точки зрения, содержательный рапорт. «См. в приложении список баров и ресторанов, обойденных нижеподписавшимся с указанием времени визита. Никто из сотрудников, работающих сегодня, не сообщил, что видел Элису Хермансен в вечер убийства». Он нажал «отправить» и встал.

Раздалось тихое гудение, и замигала лампочка на стационарном телефоне. Трульс увидел номер дежурного на дисплее. В отделении принимали информацию по делу и перенаправляли сюда только то, что казалось важным. Черт, сейчас у него не было времени на разговорчивых людей. Можно сделать вид, что он не слышал звонка. С другой стороны, если это информация по делу, возможно, он сумеет неплохо ею распорядиться.

Он взял трубку:

— Бернтсен.

— Наконец-то! Никто не отвечает, где все?

— В барах.

— Разве у вас нет убийства, которое...

— А что случилось?

— Тут один человек говорит, что вчера вечером был с Элисой Хермансен.

— Переключи его.

Раздался щелчок, и Трульс услышал громкое и быстрое дыхание, свидетельствовавшее об одном: человек боялся.

— Инспектор Бернтсен, отдел по расследованию убийств. Что вы хотели?

— Меня зовут Гейр Селле. Я увидел фотографию Элисы Хермансен на сайте газеты «ВГ». Я звоню, чтобы сообщить, что вчера вечером у меня состоялось очень короткое свидание с похожей на нее женщиной. И она называла себя Элисой.

Гейр Селле смог за пять минут рассказать о встрече в баре «Ревность», о том, что потом он отправился напрямик домой, куда явился еще до полуночи. Трульс смутно помнил, что писающие мальчики видели Элису живой после 23:30.

— Кто-нибудь может подтвердить, во сколько вы вернулись домой?

— Вход в мой компьютер. И Кари.

— Кари?

— Моя жена.

— У вас есть семья?

— Жена и собака.

Трульс услышал, как человек сглотнул.

— Почему вы не позвонили раньше?

— Я только сейчас увидел фотографию.

Трульс сделал пометки, ругаясь про себя. Селле не убийца, просто человек, которого надо вычеркнуть из списка подозреваемых, но это в полной мере означало написание еще одного рапорта, а следовательно, он выйдет отсюда не раньше десяти.

Катрина шла по улице Марквейен. Она отправила Андерса Виллера домой — отдыхать после первого рабочего дня. Она улыбнулась, подумав, что этот день он не забудет до конца жизни. Офис, потом прямо на место убийства, настоящего убийства. Не какой-нибудь унылой наркоманской поножовщины, которая выветрится из памяти на следующий день, а

случая из числа тех, которые Харри называл «это могло быть мое убийство». Это было убийство так называемого обычного человека в обычных условиях, именно такие собирают полные залы во время пресс-конференций и непременно появляются на первых полосах газет. Потому что знакомые обстоятельства давали публике возможность больше сопереживать. Вот поэтому пресса больше внимания уделила теракту в Париже, чем теракту в Бейруте. А пресса подобна прессу. Вот поэтому начальник полиции Бельман был так хорошо осведомлен о деле. Ему будут задавать вопросы. Не сразу, но, если убийство молодой, хорошо образованной женщины, вносящей свою лепту в жизнь общества, не будет раскрыто в течение ближайших дней, ему придется объясняться.

Отсюда до квартиры Катрины в районе Фрогнер пешком около получаса, но это нормально, ей надо проветрить голову. И тело. Катрина вынула из кармана мобильный и открыла приложение «Тиндер». Она шла, глядя одним глазом под ноги, а другим — в телефон, и распределяла картинки направо и налево.

Итак, их догадка оказалась верна, Элиса Хермансен вернулась домой со свидания по «Тиндеру». Мужчина, которого описал бармен, казался довольно безобидным, но по собственному опыту Катрина знала, что у некоторых мужчин существует странное мнение о том, что короткое свидание дает им право требовать от женщины чего-то большего. Архаичное представление о том, что женщина обязана подчиняться, переходящее, возможно, в чисто сексуальную область. Но Катрина знала, что множество женщин имеют столь же архаичное представление о том, что после получения благосклонного разрешения проникнуть в их половые органы у мужчины автоматически должны возникать моральные обязательства. Ладно, бог с ними, у нее только что получилось совпадение.

«Я в десяти минутах от бара „Нокс“ на площади Сулли», — набрала она.

«Хорошо, тогда я уже буду на месте», — получила она ответ от Ульриха, который, судя по фотографии и тексту профиля, был простым человеком.

Трульс Бернтсен стоял и смотрел, как Мона До разглядывает себя.

Она больше не напоминала ему пингвина. То есть она напоминала ему пингвина, перетянутого посередине.

Трульс отметил некоторое нежелание одетой по-спортивному девушки за стойкой спортклуба «Гейн» впустить его, чтобы осмотреться. То ли потому, что она не поверила его словам о раздумьях по поводу членства в клубе, то ли потому, что они не хотели видеть типов вроде него среди своих членов. То ли потому, что долгая жизнь человека, вызывающего неодобрение ближних — и в основном не без веских причин, приходилось признать, — научила Трульса Бернтсена видеть неодобрение на большинстве встречающихся ему лиц. В любом случае после прочесывания аппаратов для подтягивания живота и ягодич, зала для занятий всякими пилатесами, зала для растяжки и зала с истеричными инструкторами по аэробике (у Трульса были смутные догадки, что эти упражнения больше не назывались аэробикой) он отыскал Мону в той части клуба, которая предназначалась для мальчиков. В силовой зоне. Мона До занималась поднятием тяжестей. Короткие, широко расставленные ноги по-прежнему напоминали о пингвине. А вот сочетание широкой задницы и широкого кожаного пояса, сильно затягивающего талию, из-под которого и снизу и сверху все торчало, делало ее больше похожей на цифру восемь.

Мона До издала низкий, почти пугающий вопль, выпрямляя спину и делая рывок. Она посмотрела на отражение собственного раскрасневшегося лица в зеркале. Блины на штанге

ударялись друг о друга, отрываясь от земли. Штанга не прогибалась, как Трульс видел по телевизору, но то, что она тяжелая, было понятно по отвисшим челюстям двух молодых пакистанцев, которые качали бицепсы, чтобы их размеры соответствовали вычурным бандитским татуировкам. Черт, как он их ненавидел. Черт, как они его ненавидели.

Мона До опустила штангу, взревела и снова подняла. Вниз. Вверх. Четыре подхода.

После этого она стояла и дрожала, улыбаясь, как та ненормальная дамочка из Лира после оргазма. Если бы она была чуточку менее жирной и жила чуточку ближе, может быть, у них что-нибудь и вышло бы. Она сказала, что бросила его, потому что начала в него влюбляться. И что один раз в неделю — это слишком мало. В тот момент Трульс испытал облегчение, но продолжал время от времени думать о ней. Конечно, не так, как он думал об Улле, но она была веселушкой, этого у нее не отнять.

Мона До заметила его в зеркале. Она вытащила из ушей наушники:

— Бернтсен? Разве у вас в Полицейском управлении нет своего спортзала?

— Есть, — ответил Трульс, подходя ближе.

Он бросил на пакисов взгляд, говоривший «я полицейский, держитесь подальше», но они, судя по всему, не поняли. Возможно, он в них ошибся. Некоторые из этой молодежи теперь учились даже в Полицейской академии.

— Так что же привело вас сюда?

Она ослабила ремень, и Трульс ничего не мог с собой поделаться — он пялился на нее, чтобы узнать, раздуется ли она снова до размеров обычного пингвина.

— Я подумал, что мы могли бы немного помочь друг другу.

— Как именно? — Она села на корточки перед штангой и развинула винты, удерживавшие блины.

Трульс присел рядом с ней и сказал, понизив голос:

— Вы говорили, что хорошо платите за информацию.

— Да, платим, — ответила она, не понижая голоса. — Что у вас есть?

Он кашлянул:

— Это стоит пятьдесят тысяч.

Мона До громко рассмеялась:

— Мы хорошо платим, Бернтсен, но не настолько хорошо. Десять тысяч — максимум, и в этом случае информация должна быть конфеткой.

Трульс медленно кивнул, облизывая губы:

— Это не конфетка.

— Что ты сказал?

Трульс слегка повысил голос:

— Я сказал: это не конфетка.

— Что же тогда?

— Обед из трех блюд.

— Это проблема! — проорала Катрина, пытаясь перекрыть какофонию голосов, и пригубила свой коктейль «Белый русский». — У меня есть сожитель, и он дома. А ты где живешь?

— На Гюльденлёве-гате. Но там нечего выпить, не убрано и...

— Есть чистое постельное белье?

Ульрих пожал плечами.

— Ты поменяешь белье, пока я принимаю душ, — сказала она. — Я прямо с работы.

— А кем ты...

— Скажем так: все, что тебе надо знать о моей работе, — это то, что мне завтра рано вставать, поэтому мы... — Она кивнула в сторону выхода.

— Да, конечно, но, может, сначала допьем?

Катрина посмотрела на свой коктейль. Единственная причина, по которой она начала пить «Белый русский», — его пил Джефф Бриджес, когда играл Большого Лебовски.

— Хороший вопрос, — сказала она.

— Вопрос?

— Смотря какое влияние алкоголь оказывает на... тебя.

Ульрих рассмеялся:

— Боишься, что я не смогу, Катрина?

Она слегка вздрогнула, услышав, как ее имя произносят чужие губы.

— А ты боишься, что не сможешь, Ульрих?

— Нет, — усмехнулся он. — Но знаешь, сколько стоили эти напитки?

Она улыбнулась. Ульрих был совсем неплох. В меру стройный. Это было первое и, пожалуй, единственное, на что она обратила внимание, просматривая его профиль. Вес. И рост. Она вычислила индекс массы тела так же быстро, как игрок в покер высчитывает свои шансы. Двадцать шесть с половиной, вполне нормально. До тех пор, пока не встретила Бьёрна, она была уверена, что не согласится ни на кого с индексом больше двадцати пяти.

— Мне надо в туалет, — сказала Катрина. — Вот мой номерок из гардероба, черная кожаная куртка, жди у дверей.

Она поднялась и пошла, предполагая — поскольку ему впервые представился шанс увидеть ее сзади, — что сейчас он рассматривает то, что во времена ее детства называлось жопой. Она знала, что он остался доволен увиденным.

В задней части помещения люди стояли плотнее, и ей пришлось проталкиваться, поскольку слово «простите» не возымело действия «Сезам, откройся», как, по ее мнению, происходит в более цивилизованных районах мира. Например, в Бергене. И должно быть, между потными телами ее зажало крепче, чем могло показаться, потому что внезапно у нее перехватило дыхание. Она высвободилась, и через несколько шагов ощущение, что кислород кончился, прошло.

В коридоре, как обычно, перед женским туалетом выстроилась очередь, а перед мужским было пусто. Катрина снова взглянула на часы. Руководитель следствия. Ей бы хотелось стать первым человеком, кто придет завтра в офис. Не просто человеком, а первой женщиной. Да черт с ним. Она решительно распахнула дверь в мужской туалет, вошла, проследовала мимо писсуаров, где стояло двое мужчин, не заметивших ее, и заперлась в одной из кабинок. Те несколько подруг, что у нее имелись, всегда говорили, что они никогда не войдут в мужской туалет и что там всегда намного грязнее, чем в женском. Опыт Катрины говорил о другом.

Она стянула брюки и присела, как вдруг услышала осторожный стук в дверь. Это показалось ей забавным, поскольку снаружи должно было быть видно, что кабинка занята, а если человек думал, что она свободна, то зачем стучать? Катрина посмотрела вниз. В щелку между дверью и полом она увидела носки узких сапог из змеиной кожи. Следующей ее мыслью было то, что, наверное, этот человек видел, как она заходила в мужской туалет, и последовал за ней в надежде, что она из тех, кому нравятся эксперименты.

— Идите к... — начала она, но не смогла договорить, потому что ей стало не хватать воздуха.

Ей что, становится плохо? Неужели один день руководства расследованием, которое может стать крупным делом об убийстве, превратил ее в задыхающуюся невротичку? О господи...

Она услышала, как открылись двери и в туалет вошли двое громкоголосых парней.

— Это, блин, вообще уже.

— Абсолютно глупо.

Носки сапог исчезли из-под двери. Катрина прислушалась, но шагов не услышала. Она закончила свои дела, открыла дверь кабинки и пошла к раковине. Разговор между парнями у писсуаров стих, когда она открыла кран.

— Что ты здесь делаешь? — спросил один из них.

— Писаю и мою руки, — ответила она. — Обратите внимание на порядок действий.

Она стряхнула влагу с ладоней и вышла.

Ульрих стоял у дверей, держа в руках ее куртку. Он напоминал виляющую хвостом собаку с палкой в зубах. Катрина заставила себя мысленно стереть эту картину.

Трульс ехал домой. Он включил радио и услышал песню группы «Motörhead», которая, как ему казалось, называлась «Ace of Spade»^[7], пока Микаэль на одной из вечеринок в старших классах не рассказал об этом всем: «Бивис думает, что Лемми^[8] поет „ace of... spade“!» Он до сих пор слышал раскаты смеха, заглушившие музыку, и видел свет, мерцающий в красивых, влажных от смеха глазах Уллы.

Ну и ладно. Трульс и теперь думал, что название «Ace of Spade» звучит лучше, чем «Ace of Spades»^[9]. Однажды Трульс решил сест в столовой за стол, где уже сидели люди, и Бьёрн Хольм на своем смехотворном тутенском диалекте заявил, что, по его мнению, более поэтичным со стороны Лемми было бы дожить до семидесяти двух лет. Когда Трульс поинтересовался почему, Бьёрн ответил просто: «Семь и два, два и семь, не так ли? Моррисон, Хендрикс, Джоплин, Кобейн, Уайнхаус, вся компания»^[10].

Трульс тоже просто кивнул, когда увидел, как кивают другие. Он до сих пор не понимал, что все это означало. Понимал только, что он среди них не свой.

Но свой не свой, сегодня вечером Трульс стал на тридцать тысяч богаче, чем Бьёрн чертов Хольм и все его кивающие товарищи по столовке.

Мона по-настоящему загорелась только после того, как он выложил ей информацию об укусах, или о железных протезах, как выразился Хольм. Она позвонила своему редактору и заверила его в том, что информация была именно тем, что Трульс обещал. Обедом из трех блюд. Закуска: Элиса Хермансен ходила на свидание по «Тиндеру». Основное блюдо: убийца, вероятно, находился в ее квартире, когда она вернулась домой. Десерт: он убил ее, перекусив сонную артерию железными зубами. Десять тысяч за каждое блюдо. Тридцать. Три и ноль, ноль и три, не так ли?

«Ace of spade, ace of spade», — голосили Трульс и Лемми.

— Проблема, — сказала Катрина, натягивая брюки. — Если у тебя нет презерватива, можешь забыть об этом.

— Но я проверялся две недели назад, — произнес Ульрих, садясь в постели. — Честное

слово, отсохни мой язык.

— Свой язык можешь... — Катрине пришлось сделать вдох, чтобы застегнуть пуговицу на брюках. — Кроме того, это не защитит меня от беременности.

— А ты ничем не пользуешься, девочка?

Девочка? Ну да, ей нравился Ульрих. Не поэтому. А потому... Да черт его знает почему.

Она вышла в коридор, обулась, вспомнила, где повесила свою кожаную куртку, и отметила про себя, что дверь закрыта на обычный поворотный замок. Да, она молодец, у нее всегда готов план отступления. Она вышла из квартиры, спустилась по лестнице и оказалась на Гюльденлёве-гате. Свежий осенний воздух пах свободой и освобождением. Катрина рассмеялась и пошла по тропинке между деревьями посреди широкой безлюдной аллеи. Черт, какая же она испорченная. Но если ей на самом деле так хорошо давались отступления, если она действительно подготовила себе путь для отхода уже в тот момент, когда они только съехались с Бьёрном, почему она не установила спираль или, по меньшей мере, не начала принимать противозачаточные? Более того, она помнит разговор, во время которого объясняла Бьёрну, что ее и без того хрупкой психике совершенно не нужны перепады настроения, к чему, безусловно, приведут эти гормональные манипуляции. Вот так она перестала принимать противозачаточные сразу после того, как начала жить с Бьёрном. Ход ее мыслей прервала мелодия телефонного звонка, первого куплета композиции «O My Soul» группы «Big Star». Эту мелодию, конечно, установил Бьёрн, а потом очень эмоционально объяснил ей, насколько хороша эта забытая группа семидесятых годов из южных штатов, и пожаловался, что документальный фильм на «Нетфликсе» лишил его многолетней миссионерской деятельности. «Черт бы их побрал, половина радости от представления неизвестной группы состоит в том, что эта группа *вправду* неизвестна!» Этот мужчина еще не скоро повзрослеет.

Она ответила на звонок:

— Да, Гуннар?

— «Убита железными зубами»? — Голос обычно спокойного начальника подразделения звучал раздраженно.

— Прошу прощения?

— Это заглавная статья на сайте газеты «ВГ». Там написано, что убийца находился в квартире Элисы Хермансен, когда она вернулась домой, и что он перекусил ее сонную артерию. Они получили эту информацию от надежного источника в полиции — так тут написано.

— Что-о?

— Бельман уже звонил. Он... как бы это сказать? В ярости.

Катрина остановилась и попыталась обдумать это.

— Во-первых, мы не знаем, что он был внутри, и не знаем, укусил ли он, мы даже не знаем, был ли это «он».

— Значит, источник в полиции не такой уж надежный, но мне плевать! Мы должны разобраться в этом. Кто информатор?

— Это мне неизвестно, но я знаю, что «ВГ» из принципа будет защищать свой источник.

— Принципы принципами, но они хотят сохранить свой источник неприкосновенным, потому что уверены, что получают от него больше информации. Мы должны заткнуть эту пробоину, Братт.

Катрина уже собралась с мыслями.

- Бельман беспокоится, что утечка может навредить следствию?
- Он беспокоится, что весь отдел будет выставлен в плохом свете.
- Могу себе представить.
- Что ты можешь себе представить?
- Сами знаете и думаете так же, как и я.
- Займемся этим завтра с утра, — сказал Хаген.

Катрина Братт положила телефон в карман куртки и посмотрела на тропу. Одна из теней зашевелилась. Всего лишь дуновение ветра в кронах деревьев.

Она на миг задумалась, не перейти ли дорогу и не пойти ли по освещенному тротуару, но потом приняла решение и быстро зашагала вперед.

Микаэль Бельман стоял у окна гостиной. Отсюда, из окон их виллы в районе Хёйенхалл, ему был виден весь центр Осло, вытянувшийся с востока на запад к низинам под Хольменколленом. Сегодня вечером город сверкал в лунном свете как бриллиант. Его бриллиант.

Дети его спокойно спали. Город его спал относительно спокойно.

— В чем дело? — спросила Улла, поднимая глаза от книги.

— Это убийство, его надо раскрыть.

— Все убийства надо раскрывать.

— К этому приковано много внимания.

— Убита женщина.

— Дело не в этом.

— Дело в том, что «ВГ» так много о нем пишет?

Он услышал в ее голосе нотку презрения, но его это не тревожило. Она успокоилась и снова заняла свое место. Потому что где-то в глубине души Улла знала свое место. И она не была человеком, постоянно ищущим ссоры. Больше всего на свете его жена любила заботиться о своей семье, болтать с детьми и читать свои книжки. Поэтому невысказанная критика в ее голосе на самом деле не требовала ответа. Да она и не поняла бы его. Ведь прослыть хорошим королем можно в двух случаях. Ты можешь быть королем в хорошие времена, тебе может повезти, и урожай в твоей стране будет богатым. Или же ты можешь быть королем, выводящим страну из кризиса. А если никакого кризиса нет, то ты всегда можешь его придумать — например, начать войну и показать, в каком глубоком кризисе окажется твоя страна, если *не* вступит в войну. В этом случае важно преувеличить трудности. Война может быть совсем небольшой, главное в ней — победить. Микаэль Бельман пошел вторым путем, когда перед СМИ и городским руководством преувеличил количество имущественных преступлений, совершаемых приезжими из прибалтийских государств и Румынии, и сделал мрачные прогнозы на будущее. И получил дополнительные средства для того, чтобы выиграть эту в реальности маленькую, но в прессе — огромную войну. А через двенадцать месяцев, приведя последние цифры, он косвенно провозгласил себя победителем.

Но это новое убийство было войной, которую он не режиссировал, а после сегодняшней вечерней публикации в «ВГ» он понял, что эта война уже не маленькая. Потому что все они пляшут под дудку прессы. Он вспомнил, как на Свальбарде сошла лавина. Двое погибли, а кто-то остался без крыши над головой. Несколькими месяцами ранее во время пожара в таунхаусах в городке Недре-Эйкер погибли трое и несколько человек лишились жилья.

Последнему происшествию уделялось скромное внимание, обычное для пожаров в жилых домах и автоаварий. А вот лавина на далеком острове оказалась гораздо более интересной для прессы, в точности как этот железный укус. Это привело к тому, что журналисты возвели происшествие в ранг национальной катастрофы, и премьер-министр, всегда подпрыгивающая по команде прессы «Барьер!», обратилась к нации в прямом телеэфире. Телезрителям и жителям таунхаусов в Недре-Эйкере оставалось только догадываться, где она была, когда горели их дома. Она и ее советники всегда лежали, припав ушами к земле и прислушиваясь к вибрациям в мире СМИ. А в случае с Недре-Эйкером таких вибраций не было.

Но Микаэль Бельман знал, что сейчас земля сотрясается.

И что сейчас, когда он в качестве успешного начальника полиции имеет шанс войти в коридоры власти, это уже стало войной, которую нельзя проиграть. Он должен уделить все внимание этому конкретному убийству, словно оно представляло собой волну преступности, по той простой причине, что Элиса Хермансен являлась твердо стоящей на ногах, хорошо образованной этнической норвежкой тридцати лет, и потому что орудием убийства послужил не железный прут, нож или пистолет, а зубы из железа.

Поэтому Микаэль Бельман принял решение, которое ему очень не нравилось. По многим причинам. Но другого пути не было.

Он должен позвать этого человека.

Глава 6

Пятница, утро

Харри проснулся. Эхо сна — крик — окончательно затихло. Он закурил сигарету и задумался о том, что это было за пробуждение. На самом деле существует пять основных типов пробуждений. Первое — пробуждение на работу. Долгое время оно было лучшим из всех. Тогда он моментально включался в дело, которое расследовал. Иногда сон что-то делал с восприятием, и Харри мог лежать и обдумывать все имевшиеся на тот момент сведения, одно за другим, под иным углом зрения. Если ему везло, он мог заметить что-то новое, увидеть кусочек обратной стороны луны. И не потому, что луна передвинулась, а потому, что передвинулся он.

Второе — это одинокое пробуждение. Его характеризовало осознание того факта, что он один в постели, один в жизни, один в мире, и такое пробуждение иногда наполняло его сладким чувством свободы, а иногда — меланхолией, которую, наверное, можно назвать одиночеством, но которая была всего лишь взглядом на человеческую жизнь *как она есть*, то есть как на путешествие от пуповинной привязанности к смерти, окончательно отделяющей человека от всех и от всего. Взглядом, брошенным в секунду пробуждения, до того как все наши защитные механизмы и утешительные иллюзии займут свои места и мы сможем встретиться с жизнью во всей ее неправде.

Потом шло пробуждение от страха. Обычно оно случалось, когда он пил не просыхая больше трех дней подряд. Он мог испытывать страх разной степени, но страх приходил всегда. Сложно было найти внешнюю опасность или угрозу, вызвавшую этот страх. Он, скорее, представлял собой панику по поводу необходимости бодрствования, проживания жизни, нахождения *здесь*. Но иногда Харри чувствовал внутреннюю угрозу. Страх, что он никогда больше не сможет испугаться. Что окончательно и бесповоротно сойдет с ума.

Четвертый вид имел сходные черты с пробуждением от страха. Пробуждение с мыслью «здесь кто-то есть». В этом случае мозг начинал работать в двух направлениях. Взгляд в прошлое: как, черт возьми, это случилось? Взгляд в будущее: как мне отсюда убраться? Иногда эта реакция «сражайся или беги» быстро проходила, но возвращалась позже, уже не попадая в категорию пробуждений.

И наконец, пятый вид. Этот вид пробуждения был для Харри Холле в новинку. Пробуждение в состоянии удовлетворения. Вначале он очень удивлялся, что можно просыпаться счастливым, и машинально перебирал все параметры того, из чего состояло это идиотское «счастье», если оно не было всего лишь отголоском прекрасного глупого сна. Но сегодня ночью ему не снилось ничего прекрасного, и крик, эхо которого он слышал, просыпаясь, исходил от демона, и лицо, которое он видел на сетчатке глаза, принадлежало непойманному убийце. И все-таки Харри Холле проснулся счастливым, правда ведь? Да. Со временем, когда подобные пробуждения стали постоянно повторяться, утро за утром, он начал привыкать к мысли, что он на самом деле очень довольный мужчина, который обрел счастье где-то к пятидесяти годам и вроде бы умудрился закрепиться в этой недавно завоеванной стране.

Главная причина всего этого лежала ближе чем на расстоянии вытянутой руки от него и дышала равномерно и спокойно. Волосы ее разметались по подушке, как лучи солнца цвета воронова крыла.

Что такое счастье? Харри читал статью об исследовании счастья, где доказывалось, что если исходить из счастья в крови, то есть из уровня серотонина, то некоторые внешние события могут со временем повысить или понизить этот уровень. Человек может лишиться ноги, может узнать о своем бесплодии, его дом может сгореть. Уровень серотонина мгновенно понижается, но через шесть месяцев человек приблизительно настолько же счастлив или несчастлив, как до печального события. То же самое происходит, если человек покупает дом большей площади или более дорогую машину.

Но ученые обнаружили, что кое-какие вещи действительно имеют значение для счастья. Самая важная из них — удачный брак.

Именно такой брак был у Харри. Это звучало настолько банально, что он смеялся, когда порой формулировал для себя или, что случалось реже, для очень немногих людей, которых он называл друзьями и с которыми тем не менее почти не общался: «Нам с женой хорошо вместе».

Да, он держал счастье в руках. Если бы он мог, то с большим удовольствием произвел бы операцию «копировать-вставить» с теми тремя годами, что прошли с их свадьбы, и заново проживал бы каждый день. Но так ведь нельзя, и, наверное, именно это являлось причиной небольшого беспокойства, которое он испытывал, несмотря ни на что? Беспокойства из-за того, что время невозможно остановить, что происходят события, что жизнь — как дым от сигареты, который будет двигаться даже в плотно запечатанной комнате, будет меняться самым невообразимым образом. А поскольку сейчас у него все великолепно, значит любая перемена ухудшит ситуацию. Да, так обстояли дела. Счастье — это как передвижение по тонкому льду: лучше уж плыть в холодной воде, мерзнуть, стараться выбраться, чем стоять и ждать, когда провалишься. Поэтому он начал программировать себя на более раннее пробуждение, чем требовалось. Как сегодня, когда его лекция о расследовании убийств начиналась в одиннадцать часов. Пробуждение только для того, чтобы было время полежать и ощутить это необычное счастье, пока оно существует. Он отогнал от себя образ того, кого не поймали. Харри не отвечал за это. Это не его охотничьи угодья. И человек с лицом демона все реже и реже появлялся в его снах.

Харри выскользнул из постели тихо, как только мог, хотя дыхание жены уже не было равномерным и он догадывался, что она лишь притворяется спящей, потому что не хочет ему мешать. Он натянул брюки, спустился на первый этаж, положил капсулу с ее любимым кофе в эспрессо-машину, налил воды и открыл маленькую баночку растворимого кофе для себя. Он покупал маленькие баночки, потому что свежий, только что открытый растворимый кофе очень вкусен. Включив чайник, Харри всунул босые ноги в ботинки и вышел на крыльцо.

Он втянул в себя резкий осенний воздух. Ночи здесь, на улице Хольменколлвейен в расположенном на холме районе Бессеруд, стали уже совсем холодными. Харри посмотрел вниз, на город и фьорд, по которому все еще сновали парусные лодки, казавшиеся белыми треугольниками на синей воде. Через пару месяцев, если не через несколько недель, здесь, наверху, выпадет первый снег. Но ничего страшного, ведь этот большой, покрытый коричневой морилкой бревенчатый дом был построен для зимы, не для лета.

Харри закурил вторую за день сигарету и пошел по крутой, покрытой гравием подъездной дорожке, высоко поднимая ноги, чтобы не наступить на развязанные шнурки. Он мог бы надеть куртку или хотя бы футболку, но в том и заключалась радость от возвращения в теплый дом: надо было немного замерзнуть. Он остановился у почтового ящика и вынул из него газету «Афтенпостен».

— Доброе утро, сосед.

Харри не слышал, как по асфальтированной подъездной дорожке соседа проехала «тесла». Окно со стороны водителя было приоткрыто, и он увидел фру Сивертсен, которая всегда красила волосы в одинаковый блондинистый цвет. Харри, парню из восточных районов, имевшему относительно небольшой опыт проживания здесь, на западе города, она представлялась классической женой из района богачей. Она сидела дома, имела двоих детей и двух помощников по хозяйству и совершенно не собиралась работать, несмотря на то что норвежское государство спонсировало ей пятилетнее университетское образование. Иными словами, то, что другие называли свободным временем, она называла работой: поддерживать себя в хорошей форме (Харри увидел только спортивную куртку, но знал, что под ней она носит плотно облегающую спортивную одежду, и да, она выглядела чертовски хорошо для женщины за сорок), заниматься логистикой (когда и кто из помощников по хозяйству должен заниматься детьми, а если семья собирается отправиться в отпуск, то куда: в домик неподалеку от Ниццы, на дачу на лыжном курорте Хемседал или на летнюю дачу на юге Норвегии), а также поддерживать контакты (ланчи с подругами, обеды с родственниками и потенциально полезными людьми). Но самая важная ее работа уже была выполнена: она обеспечила себя мужем, у которого хватало денег на финансирование этой ее так называемой работы.

В этом отношении Ракель капитально провалилась. Хотя она выросла в большом бревенчатом доме в Бессеруде, где люди рано учатся искусству маневрирования по жизни, и хотя она была умной и красивой и могла заполучить кого хотела, она связала свою жизнь с человеком, который раньше был спившимся следователем по особо важным делам с низкой зарплатой, а сейчас трезвым преподавателем Полицейской академии с еще более низкой зарплатой.

— Тебе надо бросить курить, — сказала фру Сивертсен, изучая его взглядом. — Больше мне нечего покритиковать. Где ты занимаешься спортом?

— В подвале, — сказал Харри.

— Вы построили там спортзал? Кто твой персональный тренер?

— Я, — ответил Харри, глубоко затянулся сигаретой и посмотрел на свое отражение в заднем окне автомобиля.

Худой, но не такой тощий, как несколько лет назад. Плюс три килограмма за счет мышц. Плюс два килограмма за счет правильного распорядка дня. Более здоровый образ жизни. Но лицо, которое он видел в отражении, говорило о том, что так было не всегда. Дельты тонких красных кровеносных сосудов на белках глаз и под кожей лица рассказывали о его прошлом, полном алкоголя, хаоса, бессонницы и вредных привычек. Шрам от уха к уголку рта — об отчаянных ситуациях и невозможности контролировать свою импульсивность. А тот факт, что он зажимал сигарету между указательным пальцем и кольцом на безымянном, потому что на этой руке у него не хватало среднего пальца, напоминал еще об одной истории убийства и мерзости, запечатлевшейся в его плоти и крови.

Он взглянул на «Афтенпостен», увидел слово «убийство» прямо над сгибом газеты, и на мгновение эхо крика снова раздалось у него в ушах.

— Я и сама думаю построить спортзал, — говорила фру Сивертсен. — Ты не мог бы заскочить ко мне как-нибудь утром на следующей неделе и что-нибудь посоветовать?

— Мат, гантели и перекладина для вися, — ответил Харри. — Вот мои советы.

Фру Сивертсен широко улыбнулась и понимающе кивнула:

— Хорошего тебе дня, Харри.

«Тесла» пошелестела своей дорогой, а он пошел обратно к дому.

Войдя в тень от больших елей, он остановился и оглядел дом. Дом был прочным. Не неприступным, нет ничего неприступного, но взять его непросто. На толстой дубовой двери три замка, а на окнах железные решетки. Господин Сивертсен жаловался. Он говорил, что дом, похожий на форт, напоминает ему о Йоханнесбурге, что из-за этого дома их безопасный район кажется опасным и цены на жилье не растут. Решетки установил отец Ракели после войны. Работа Харри в полиции однажды подвергла Ракель и ее сына Олега опасности. С той поры Олег стал взрослым, съехал от них, стал жить с девушкой и учиться в Полицейской академии. Пусть Ракель сама решает, когда снять решетки. Больше они не нужны. Теперь он всего лишь низкооплачиваемый преподаватель.

— О, пят-рак, — пробормотала Ракель с улыбкой, преувеличенно громко зевнула и уселась в кровати.

Харри поставил поднос на одеяло перед ней.

Слово «пят-рак» они выдумали сами для обозначения того часа, что они проводили в постели по пятницам, когда у него занятия начинались поздно, а у нее, юриста Министерства иностранных дел, был выходной.

Харри заполз под одеяло и, как обычно, дал ей часть «Афтенпостен» с норвежскими и спортивными новостями, себе же оставил международные новости и культуру. Он надел очки для чтения, с необходимостью носить которые ему пришлось смириться, и набросился на рецензию последнего альбома Суфьяна Стивенса, обдумывая тот факт, что Олег пригласил его на концерт группы «Sleater-Kinney» на следующей неделе. Вообще-то, Олегу нравилась более тяжелая музыка, поэтому Харри был особенно признателен ему за заботу.

— Что нового? — спросил Харри, листая газету.

Он знал, что она читает статью об убийстве, которую он видел на первой полосе, и что она не станет ему об этом говорить. Таков был один из их молчаливых договоров.

— Более тридцати процентов американских пользователей «Тиндера» состоят в браке, — сказала Ракель. — Но «Тиндер» это отрицает. Что у тебя?

— Похоже, новая вещь Отца Джона Мисти не достигла цели. Либо же рецензент постарел и стал недовольным. Мне кажется, скорее второе. Его хвалили в «Моджо» и «Анкате»^[11].

— Харри...

— Предпочитаю молодых и недовольных. Которые медленно, но верно с возрастом становятся добрее. Как я. Ты не согласна?

— Ты бы ревновал, если бы я зарегистрировалась на «Тиндере»?

— Нет.

— Нет? — Она подтянулась повыше. — Почему?

— У меня же нет фантазии. Я глупый, и я думаю, что меня тебе более чем достаточно. Быть глупым не так уж и глупо, понимаешь?

Она вздохнула:

— Ты что, никогда не ревнуешь?

Харри перевернул страницу:

— Я ревную, но Столе Эуне совсем недавно привел мне несколько причин, чтобы стараться свести это к минимуму, милая. Я пригласил его сегодня прочитать моим студентам лекцию об извращенной ревности.

— Харри... — По ее игривому тону он понял, что она не собирается сдаваться.

— Не начинай фразу с моего имени, будь так добра, ты ведь знаешь, что я начинаю нервничать.

— Для этого у тебя есть основания, потому что я собиралась спросить, хочешь ли ты когда-нибудь кого-нибудь, кроме меня.

— Собиралась? Или сейчас спрашиваешь?

— Я спрашиваю сейчас.

— Хорошо.

Его взгляд упал на фотографию начальника полиции Микаэля Бельмана с женой на кинопремьере. Бельману шла черная повязка на глазу, и Харри знал, что Бельману это известно. Молодой начальник полиции сказал, что пресса и детективные фильмы создают искаженное впечатление об Осло, что за то время, пока он служит начальником полиции, в городе стало спокойнее, чем когда-либо. По статистике, шансов на то, что ты совершишь самоубийство, намного больше, чем на то, что тебя убьют.

— Ну... — сказала Ракель, и он почувствовал, как она подползла ближе. — Ты хочешь других?

— Да, — ответил Харри, подавив зевок.

— Все время? — спросила она.

Он оторвал взгляд от газетных страниц и уставился перед собой, нахмутив лоб. Смакуя ее вопрос.

— Нет, не *все* время.

Он возобновил чтение. Новый музей Мунка и Дейхманская библиотека, строившиеся рядом со зданием Оперы, начали приобретать очертания. Столица страны рыбаков и крестьян, которые на протяжении двух веков посылали всех мрачных отщепенцев с художественными амбициями в Копенгаген и Европу, скоро станет культурным городом. Кто бы мог подумать? Или, точнее, кто в это верил?

— Если бы ты мог выбирать, — дразняще ворковала Ракель, — причем без всяких последствий, провести следующую ночь со мной или с женщиной твоей мечты?

— А разве тебе не надо собираться на прием к врачу?

— Всего одна ночь. И никаких последствий.

— В этом месте я должен сказать, что женщина моей мечты — это ты?

— Попробуй еще раз.

— Ты должна помочь мне с кандидатками.

— Одри Хепбёрн.

— Некрофилия?

— Не уходи от ответа, Харри.

— Ладно. Я подозреваю, что ты предлагаешь мне мертвую женщину, потому что считаешь, будто я думаю, что ты воспримешь женщину, с которой я в реальности не могу провести ночь, как не слишком большую угрозу. Но хорошо, с твоей помощью, манипуляторша, и с «Завтраком у Тиффани» я громко и оглушительно отвечаю «да».

Ракель издала глухой возглас.

— Так почему ты просто не сделаешь это? Почему не сходишь налево?

— Во-первых, я не знаю, согласится ли женщина моей мечты, а я плохо переношу отказы. Во-вторых, из-за отсутствия предпосылок для «никаких последствий».

— Да?

Харри вновь сосредоточился на газете:

— Ты могла бы уйти от меня. В любом случае твое отношение ко мне испортилось бы.

— Ты мог бы держать все в тайне.

— Я бы не смог.

Исабелла Скёйен, бывший член городского совета Осло, отвечавший за социальную политику, выступила с критикой нынешнего состава совета за отсутствие плана действий в чрезвычайных ситуациях, таких как так называемый тропический шторм, который, по прогнозам, должен обрушиться на западное побережье в начале следующей недели. Это будет шторм такой силы, какого еще не видели в Норвегии. Еще более необычно то, что шторм достигнет Осло всего через несколько часов, практически не утратив своей силы. Скёйен сказала, что ответ руководителя городского совета («Мы находимся не в тропиках, поэтому мы, разумеется, не заложили в бюджет средства на борьбу с тропическими штормами») свидетельствует о высокомерии и безответственности, граничащей с несознательностью. «Он наверняка считает, что климатические изменения — это то, чем занимаются люди за границей», — сказала Скёйен, удачно позируя фотографу, и это навело Харри на мысль о том, что она планирует вернуться в политику.

— Когда ты говоришь, что не смог бы держать поход налево в тайне, ты хочешь сказать «не вынес бы»? — спросила Рабель.

— Я хочу сказать «не стал бы заморачиваться». Тайны очень утомляют. И потом, у меня была бы нечиста совесть. — Он пролистал газету. Страницы кончились. — Совесть утомляет.

— Утомляет тебя. А как насчет меня? Ты не думал о том, как мне было бы больно?

Харри взглянул на кроссворд, положил газету на одеяло и повернулся к Рабели:

— Если бы ты не знала о походе налево, ты бы ничего не чувствовала, милая.

Рабель схватила его за подбородок, а второй рукой провела по брови:

— А если бы я узнала? Или ты узнал бы о том, что я была с другим мужчиной. Разве это не причинило бы тебе боль?

Харри почувствовал саднящую боль, когда она выдернула несомненно случайный седой волосок из его брови.

— Гарантированно, — ответил он. — И угрызения совести, если бы все было наоборот.

Она отпустила его подбородок.

— Да ну тебя, Харри, ты говоришь так, будто дедуктивным методом расследуешь убийство. Ты что, ничего не чувствуешь?

— Да ну тебя? — Харри усмехнулся и взглянул на нее поверх очков. — А что, еще говорят «да ну тебя»?

— Отвечай... или... иди ты в баню.

Харри рассмеялся:

— Я чувствую, что пытаюсь как можно честнее ответить на твой вопрос. Но чтобы это сделать, мне надо подумать и взглянуть в лицо реальности. Если бы я поддался своему первому эмоциональному побуждению, я бы ответил то, что, на мой взгляд, ты хотела бы услышать. Но вот мое предостережение. Я не честный, я изворотливый. Эта моя честность — всего лишь долгосрочная инвестиция в мою верность. Потому что может настать день, когда мне действительно потребуется солгать, и тогда будет хорошо, если ты подумаешь, что я говорю правду.

— Сотри эту ухмылочку, Харри. На самом деле ты говоришь, что был бы неверной свиньей, если бы это не было так хлопотно?

— Кажется, так.

Ракель толкнула его, спустила ноги с кровати, надела тапки и, презрительно фыркая, вышла за дверь. Харри услышал, как она фыркнула снова, спускаясь по лестнице.

— Вскипятишь еще воды для кофе? — громко спросил он.

— Кэри Грант! — прокричала она. — И Курт Кобейн. В одном лице.

Харри услышал, как она копошится внизу, услышал бульканье чайника. Он положил газету на тумбочку и закинул руки за голову. Он улыбался. Счастье. Когда он вставал, его взгляд скользнул по ее части газеты, оставленной на подушке. На фотографии он увидел место преступления, оцепленное полицейской лентой, закрыл глаза и подошел к окну. Там он вновь разомкнул веки и посмотрел на ели. Он знал, что сейчас он сможет. Сможет забыть имя того, кого не поймали.

Он проснулся. Ему опять снилась мама. И мужчина, который утверждал, что он — его отец. Он подумал о том, что это за пробуждение. Он выспался. Он спокоен. Он удовлетворен. Основная причина этого лежала на расстоянии меньше вытянутой руки от него. Он повернулся к ней. Вчера он охотился. Он не собирался, но когда увидел в баре ее, ту женщину из полиции, ему показалось, что судьба на мгновение взяла бразды правления в свои руки. Осло — маленький город, люди постоянно натываются друг на друга, но все же... Однако он не потерял контроля над собой, он научился искусству самообладания. Он разглядывал черты лица, волосы, руки той, что лежала под немного неестественным углом. Она была холодна и не дышала, запах лаванды почти улетучился, но это ничего, она выполнила свою работу.

Он отбросил одеяло в сторону и подошел к платяному шкафу. Вынул форму и почистил ее. Он уже чувствовал, что кровь быстрее побежала по жилам. Будет еще один хороший день.

Глава 7

Пятница, первая половина дня

Харри Холле шел по коридору Полицейской академии вместе со Столе Эуне. Харри, рост которого составлял сто девяносто три сантиметра, был почти на двадцать сантиметров выше своего друга, который был на двадцать лет его старше и значительно круглее.

— Меня удивляет, что именно ты не можешь распутать такое очевидное дело, — сказал Эуне и проверил, в порядке ли его галстук-бабочка в крапинку. — Это никакая не загадка: ты стал преподавателем, потому что твои родители были преподавателями. Или, точнее, твой отец был преподавателем. Даже после его смерти ты ищешь отцовского одобрения, которого не удостоился, пока работал полицейским, но в роли полицейского оно тебе было не нужно, потому что ты восстал против отца и не хотел быть таким, как он, ведь ты считал его жалким человеком, не сумевшим спасти жизнь твоей матери. Ты перенес собственное несовершенство на него и стал полицейским, чтобы хорошо делать эту работу. Ты тоже не мог спасти свою мать и поэтому захотел спасти всех нас от смерти, а точнее, от убийц.

— Мм... Сколько тебе платят в час за это?

Эуне рассмеялся:

— Кстати, о часах; что там с Ракелью и ее головной болью?

— Примерно час в день, — ответил Харри. — Ее отец в пожилом возрасте начал страдать мигренью.

— Наследственность. Это как заказать предсказание и пожалеть об этом. Нам, людям, никогда не нравилось неизбежное. Например, смерть.

— Наследственность — это не неизбежность. Дедушка говорил, что, как и его отец, стал алкоголиком с первого раза, едва попробовал алкоголь. А вот мой отец наслаждался — да, наслаждался — алкоголем всю свою жизнь, а алкашом не стал.

— Значит, алкоголизм проскочил одно поколение, так бывает.

— Или же генетика — всего лишь приятное оправдание моей слабохарактерности.

— Это так, но, черт возьми, должно же у человека быть право объяснять генетикой в том числе свой слабый характер.

Харри улыбнулся, и студентка, шедшая им навстречу, неправильно истолковала его улыбку и ответила на нее.

— Катрина прислала мне фотографии с места преступления в Грюнерлёкке, — сказал Эуне. — Что ты об этом думаешь?

— Я не читаю криминальную хронику.

Перед ними находилась открытая дверь в аудиторию номер два. Лекция входила в программу студентов последнего курса, но Олег сказал, что он и еще пара студентов первого курса попробуют пробраться на нее. Все верно, аудитория была переполнена. Студенты и даже некоторые преподаватели сидели на ступеньках лестниц и стояли вдоль стен.

Харри подошел к кафедре и включил микрофон. Он оглядел собравшихся, машинально выискивая физиономию Олега. Разговоры стихли, наступила тишина. Харри облизал губы. Самым странным было не то, что он стал преподавателем, а то, что ему это нравилось. Он, кого большинство людей воспринимали как молчаливого, замкнутого человека, чувствовал себя более раскованным перед группой требовательных студентов, чем перед парнем за кассой в магазине «Севен-элевен». Тот положил на прилавок пачку «Кэмел лайт», и Харри

открыл было рот, чтобы повторить свой заказ, «Кэмел», но услышал позади себя ропот в очереди. Тогда так и случилось (как, бывало, случалось в плохие дни с нервами на пределе), что он вышел из магазина с пачкой «Кэмел лайт», выкурил одну сигарету, а остаток пачки выкинул в урну. А сейчас он пребывал в зоне комфорта. Его предмет. Убийство. Харри прокашлялся. Он не обнаружил вечно серьезного лица Олега, зато увидел другого хорошо знакомого человека. С черной повязкой на глазу.

— Вижу, некоторые из вас перепутали аудиторию, это лекция третьего курса по полицейским расследованиям для студентов-выпускников.

Смех. Никто и не подумал покинуть место преступления.

— Ладно, — сказал Харри. — Тех из вас, кто пришел на очередную сухую лекцию о расследовании убийств, я, к сожалению, должен расстроить. Сегодня у нас в гостях многолетний консультант отдела по расследованию убийств Полицейского управления и наиболее публикуемый скандинавский психолог, специализирующийся на вопросах насилия и убийств. Но прежде чем передать слово Столе Эуне, поскольку я знаю, что он добровольно не отдаст его обратно, напоминаю, что в следующую среду у нас снова состоится перекрестный допрос. Дело о пентаграмме. Описание обстоятельств дела, протокол осмотра места преступления и выписки допросов, как обычно, находятся по адресу ПА — косая черта — расследование. Столе?

Разразились аплодисменты, и Харри направился к лестнице, а Эуне прошествовал к кафедре, выпятив вперед брюшко и довольно улыбаясь.

— Синдром Отелло! — прокричал Эуне и, подойдя к микрофону, понизил голос. — Синдром Отелло — это профессиональное обозначение того, что мы называем болезненной ревностью, которая является мотивом большинства убийств, совершаемых в нашей стране. Точно так же, как в пьесе Уильяма Шекспира «Отелло». Родриго влюблен в новоиспеченную жену генерала Отелло Дездемону, а хитрый офицер Яго ненавидит Отелло, потому что думает, что генерал обошел его при назначении нового лейтенанта. Яго видит возможность проложить путь для своей карьеры, уничтожив Отелло, поэтому он помогает Родриго поссорить Отелло и его жену. Хитрец Яго заражает мозг и сердце Отелло вирусом, опасным и живучим вирусом, способным принимать различные формы, — ревностью. Отелло болеет все сильнее и сильнее, ревность вызывает у него припадок эпилепсии, он лежит на сцене и трясется. В итоге Отелло убивает свою жену и в завершение кончает жизнь самоубийством. — Эуне подтянул рукава твидового пиджака. — Я пересказал вам полное содержание пьесы не потому, что Шекспир входит в программу обучения в Полицейской академии, а потому, что вам тоже необходимо получить чуточку общего образования.

Смех.

— Так что же такое, мои неревнивые дамы и господа, синдром Отелло?

— Чему обязаны визитом? — прошептал Харри. Он стоял в задней части аудитории рядом с Михаэлем Бельманом. — Интересноешься ревностью?

— Нет, — ответил Бельман. — Я хочу, чтобы ты расследовал последнее убийство.

— Тогда, боюсь, ты пришел напрасно.

— Я хочу, чтобы ты сделал то, что делал раньше: возглавил маленькую группу, ведущую параллельное расследование и независимую от основной следственной группы.

— Благодарю, начальник полиции, но мой ответ — нет.

— Ты нужен нам, Харри.

— Да. Здесь.

Бельман коротко рассмеялся:

— Я не сомневаюсь, что ты хороший учитель, но ты не незаменимый. Однако так уж вышло, что ты — незаменимый следователь.

— Я покончил с убийствами.

Микаэль Бельман, улыбаясь, покачал головой:

— Да ладно тебе, Харри. Как долго, по-твоему, ты сможешь прятаться здесь и делать вид, что ты не тот, кто ты есть на самом деле? Ты не травоядное животное, как вон тот, за кафедрой, Харри. Ты — хищник. В точности как я.

— Ответ — нет.

— А у хищников, как известно, острые зубы. Это возводит их на самый верх пищевой цепочки. Вижу, там сидит Олег. Кто бы мог подумать, что он поступит в Полицейскую академию?

Харри почувствовал, как зашевелились на затылке волосы, посылая ему предостережение.

— Я живу так, как хочу, Бельман. Я не могу вернуться назад, и это окончательный ответ.

— Особенно учитывая, что чистая биография является обязательным требованием для поступления.

Харри не ответил. Эуне еще раз рассмешил аудиторию, и Бельман тоже посмеялся, потом положил руку на плечо Харри, наклонился к нему и еще больше понизил голос:

— Хотя прошло уже несколько лет, у меня остались связи среди людей, которые смогут подтвердить, что видели, как Олег в те времена покупал героин. Срок — два года. Вряд ли его посадят, но полицейским он никогда не станет.

Харри покачал головой:

— Даже ты никогда бы так не поступил, Бельман.

Бельман хмыкнул:

— Разве? Возможно, это все равно что стрелять из пушки по воробьям, но, честно говоря, мне очень важно, чтобы это дело было раскрыто.

— Если я откажусь, ты все равно ничего не выиграешь, навредив моей семье.

— Может, и нет, но давай не забывать, что я... как бы это выразиться? *Ненавижу* тебя.

Харри уставился на спины стоящих перед ним:

— Ты не тот человек, который позволяет чувствам брать над собой верх, Бельман, у тебя их слишком мало. Что ты ответишь, когда выяснится, что ты долгое время обладал информацией о студенте Полицейской академии Олеге Фёуке и не давал ей ходу? Не стоит блефовать, когда противник знает, что у тебя плохие карты, Бельман.

— Если ты готов поставить будущее мальчишки на то, что я блефую, то пожалуйста, Харри. Речь только об этом конкретном деле. Раскрой его для меня, и мы забудем обо всем остальном. Даю тебе срок ответа до вечера.

— Чисто из любопытства, Бельман. Почему именно это дело так важно для тебя?

Бельман пожал плечами:

— Политика. Хищникам нужно мясо. Помни, что я тигр, Харри. А ты — всего лишь лев. Тигры весят больше, и на каждый килограмм их тела приходится больше мозга. Римляне знали это, поэтому, когда они выпускали на арену Колизея льва против тигра, они знали, что лев будет убит.

Харри увидел, как впереди одна голова повернулась в их сторону. Олег улыбнулся и поднял вверх большой палец. Мальчику скоро исполнится двадцать два. У него губы и глаза

матери, а темные блестящие волосы — от русского отца, которого он уже не помнил. Харри ответил ему поднятым вверх большим пальцем и попытался улыбнуться. Когда он повернулся туда, где стоял Бельман, того уже не было.

— Синдромом Отелло страдают преимущественно мужчины, — раздавался голос Столе Эуне. — В то время как мужчины-убийцы с синдромом Отелло действуют преимущественно руками, Отелло-женщины используют ударное оружие или нож.

Харри прислушался к тонкому-претонкому льду над черной водой прямо у него под ногами.

— Выглядишь таким серьезным, — сказал Эуне, вернувшись из туалета в кабинет Харри, допил содержимое кофейной чашки и надел пальто. — Тебе понравилась лекция?

— Да-да. Там был Бельман.

— Я видел его. Что ему понадобилось?

— Он пытался угрозами заставить меня взяться за расследование этого нового убийства.

— И что ты ответил?

— Нет.

Эуне кивнул:

— Хорошо. Частые и близкие контакты с чистым злом, какие были у нас с тобой, поедают душу. Может быть, другие этого не замечают, но какая-то часть нас уже сожрана. А теперь настало время дорогим и близким нам людям получить то внимание, которое мы раньше оказывали социопатам. Наша вахта закончена, Харри.

— Ты сейчас говоришь, что сдаешься?

— Да.

— Мм... Я понимаю твои общие доводы, но не скрывается ли за ними что-то более конкретное?

Эуне пожал плечами:

— Только то, что я слишком много работал и слишком мало бывал дома. А когда я работаю над убийствами, я все равно не дома, хоть и нахожусь у себя дома. Да ты все об этом знаешь, Харри. И Аврора, она... — Эуне надул щеки и выдохнул. — Учителя говорят, что дела обстоят немного лучше. Бывает, что дети в ее возрасте замыкаются. И экспериментируют. Наличие у них шрама на запястье еще не означает, что они систематически занимаются членовредительством, на самом деле это может свидетельствовать о совершенно нормальном любопытстве. Но у отца всегда вызывает беспокойство тот факт, что он не может достучаться до своего ребенка. Может быть, это расстраивает намного больше, когда отец — знаменитый психолог.

— Ей сейчас пятнадцать, верно?

— И прежде чем ей исполнится шестнадцать, все может пройти и забыться. Фазы, фазы — вот что происходит в этом возрасте. Но если ты хочешь заботиться о своих близких, нельзя откладывать это на время после следующего дела, после следующего рабочего дня, это надо делать *сейчас*. Или я не прав, Харри?

Харри, сжав небритую верхнюю губу большим и указательным пальцем, медленно кивнул:

— Мм... Конечно.

— Тогда я пошел, — сказал Эуне, взял свою сумку и вынул из нее пачку фотографий. — Кстати, вот снимки с места преступления, которые прислала Катрина; мне они ни к чему.

— А мне они зачем? — спросил Харри, бросив взгляд на труп женщины, лежащий на окровавленной кровати.

— Я думал, для преподавания. Я слышал, ты упомянул дело о пентаграмме, а это значит, что ты используешь настоящие дела и подлинные документы.

— Это ключ ко всему, — сказал Харри, пытаясь оторвать взгляд от фотографий женщины. Что-то во всем этом было ему знакомо. Как эхо. Видел ли он ее раньше? — Как зовут жертву?

— Элиса Хермансен.

Имя ничего не сказало ему. Харри посмотрел на следующую фотографию:

— А эти раны на шее, что это такое?

— Ты что, правда ни слова не читал об этом деле? Оно на всех первых полосах, неудивительно, что Бельман пытается заарканить тебя. Это железные зубы, Харри.

— Железные зубы? Это сатанисты или что-то в этом духе?

— Если считаешь «ВГ», то узнаешь, что они ссылаются на твит моего коллеги Халлстейна Смита, утверждающего, что это работа вампириста.

— Вампириста? То есть вампира?

— Если бы все было так просто, — сказал Эуне и вынул из сумки вырванную из «ВГ» страницу. — Вампир, по крайней мере, связан с зоологией и вымыслом. А вампирист, по мнению Смита и некоторых других психологов, — это человек, получающий удовлетворение от потребления крови. Почитай здесь...

Харри прочитал сообщение из «Твиттера», которое показывал ему Эуне. Взгляд его задержался на последнем предложении: «Вампирист нанесет следующий удар».

— Мм... То, что этих психологов мало, еще не означает, что они не могут быть правы.

— Да ладно тебе, я люблю тех, кто идет против течения, и мне нравятся амбициозные люди вроде Смита. К сожалению, во время учебы он допустил ошибку, из-за которой получил прозвище Обезьянка, и, боюсь, это до сих пор мешает ему пользоваться безграничным доверием в среде психологов. Но он был, вообще-то, весьма многообещающим психологом, пока не увлекся этим вампиризмом. Его статьи тоже были очень неплохи, хотя, конечно, он не мог публиковать их в научных журналах. Но вот сейчас у него получилось кое-что опубликовать. В «ВГ».

— А почему ты не веришь в вампиристов? — спросил Харри. — Ты же сам говорил, что если представить себе какое-нибудь отклонение, то окажется, что оно у кого-то уже есть.

— Да-да, все существует. Наша сексуальность — это то, что мы в состоянии думать и чувствовать. А это практически безгранично. Дендрофилия — сексуальное возбуждение от деревьев. Какоррафиофилия — возбуждение от неудач. Но чтобы назвать какое-нибудь явление словом, заканчивающимся на «филия» или «изм», оно должно быть достаточно распространенным и иметь общий знаменатель. Смит и его соратники, психологи-мифоманы, создали свой собственный «изм». Они ошибаются: не существует группы так называемых вампиристов, следующих определенной поведенческой модели, о которой они или другие могли бы судить. — Эуне застегнул пальто и направился к двери. — А вот тот факт, что ты страдаешь страхом интимности и не можешь обнять на прощание лучшего друга, — прекрасная пища для психологической теории. Передай от меня привет Ракели и скажи, что я заклинаю ее головную боль. Харри?

— Что? Да, конечно. И ты передавай привет. Надеюсь, с Авророй все будет хорошо.

После ухода Эуне Харри остался сидеть, глядя перед собой. Вчера вечером он зашел в

гостиную, когда Ракель смотрела кино. Он взглянул на экран и поинтересовался, не фильм ли это Джеймса Грея. На экране была совершенно нейтральная картинка, изображающая городскую улицу, без актеров, без машин, и камера практически не двигалась. Две секунды фильма, который Харри раньше не смотрел. То есть картинка, конечно, не бывает совершенно нейтральной, но Харри действительно не знал, откуда у него возникла мысль о том, что перед ним фильм именно этого режиссера. Единственная зацепка: он смотрел один из фильмов Джеймса Грея несколько месяцев назад. Все могло быть просто — обычное автоматическое объединение впечатлений. Просмотренный фильм, а потом — двухсекундный отрывок, содержащий одну или две детали, которые проносились через мозг с быстротой, не позволяющей определить, что именно вызвало узнавание.

Харри взял в руки мобильный телефон.

Он помедлил, а потом отыскал номер Катрины Братт и отметил, что с момента их последнего контакта прошло больше шести месяцев — тогда она прислала ему сообщение с поздравлениями по случаю дня рождения. Он ответил ей «спасибо». Без заглавной буквы и точки. Она, конечно, знала, что это не означает равнодушия с его стороны, а означает только то, что он не любит писать длинные текстовые сообщения.

Она не ответила на его звонок.

Харри позвонил по ее внутреннему телефону в отдел расследования убийств, и ему ответил Магнус Скарре.

— Ого, сам Харри Холе! — Ирония была настолько неприкрытой, что Харри не пришлось напрягаться, чтобы распознать ее. У Харри никогда не было большого числа поклонников в отделе убийств, и Скарре тоже не принадлежал к их числу. — Нет, сегодня я Братт не видел. Что довольно странно, ведь она недавно руководит следствием, а у нас тут полно работы.

— Мм... Можешь передать ей, что я...

— Лучше перезвони, Холе, нам тут есть чем заниматься.

Харри повесил трубку и постучал пальцами по столу. Он посмотрел на стопку студенческих работ, лежащих с одной стороны стола, и на пачку фотографий — с другой. Он вспомнил, как Бельман сравнил его с хищником. Лев? Да, а почему бы и нет? Харри читал, что львы, охотящиеся в одиночку, достигают успеха лишь в пятнадцати процентах всех случаев. А когда лев нападает на крупную дичь, он не может перегрызть ей горло и вынужден ее душить. Он сжимает зубы на горле дичи и передавливает трахею. Такой способ убийства может занять время. Если лев поймает крупное животное, например водяного буйвола, он может повиснуть у него на шее и часами мучить и себя, и буйвола и все равно в итоге разжимает челюсти. Вот так же и с расследованиями. Тяжелая работа — и никакой награды.

Он обещал Ракели не возвращаться туда. Обещал самому себе.

Харри снова взглянул на пачку фотографий. Посмотрел на изображение Элисы Хермансен. Ее имя он запомнил машинально, как и детали фотографии, где она лежала на кровати. Но дело было не в деталях. Дело было в общей картине. Кстати, Ракель в тот вечер смотрела фильм «Общак», режиссером которого оказался вовсе не Джеймс Грей. Харри ошибся. Пятнадцать процентов. И все же...

Что-то было в том, как она лежала. Или как ее уложили. Композиция. Как эхо из забытого сна. Крик в лесу. Голос мужчины, имя которого он пытался забыть. Имя того, кого не поймали.

Харри вспомнил, какие у него когда-то были мысли. Если он срывался, открывал бутылку и делал первый глоток, то решение сделать это принималось не в тот самый момент, как он полагал. Оно принималось намного раньше, после чего предстояло лишь найти повод. А повод всегда находился, и в какой-то момент времени бутылка оказывалась перед ним. И она ждала его. А он — ее. Все остальное — противоположные заряды, магнетизм, неизбежность физических законов.

Черт, черт.

Харри резко поднялся, схватил свою кожаную куртку и выбежал из кабинета.

Он посмотрелся в зеркало: куртка сидела как надо. Он в последний раз прочитал описание женщины. Она ему уже не нравилась. В ее имени была буква «Э», а не простая «Е», как в его имени. Одно это было поводом наказать ее. Он предпочел бы другую жертву, которая больше отвечала бы его вкусу. Как Катрина Братт. Но он уже принял решение. Женщина с буквой «Э» в имени ждала его.

Он застегнул пуговицы на куртке и вышел на улицу.

Глава 8

Среда, день

— Как Бельману удалось тебя уговорить? — Гуннар Хаген стоял у окна спиной к Харри.

— Ну, — прозвучал позади него голос, не похожий ни на какой другой, — он сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться.

В голосе Харри, с тех пор как Хаген слышал его в последний раз, появилось больше хрипотцы, но он был таким же глубоким и спокойным. Однажды Хаген слышал, как женщины из его отдела говорили: единственное, что в Харри есть красивого, — это голос.

— Что же это за предложение?

— Пятьдесят процентов за сверхурочные и двойные пенсионные начисления.

Начальник отдела рассмеялся:

— И ты не ставишь никаких условий?

— Только одно: я сам отберу людей в свою группу. Мне нужны всего трое.

Гуннар Хаген повернулся. Харри сидел на стуле перед письменным столом Хагена, вытянув вперед длинные ноги. На его узком лице появилось больше морщин, а густые короткие светлые волосы немного побелели на висках. Но он был не таким худым, как во время их последней встречи. Белки ярких синих глаз были, возможно, не совсем чистыми, но на них больше не имелось сетки красных сосудов, как в худшие времена.

— Ты по-прежнему на просушке, Харри?

— Сухой, как норвежские нефтяные скважины, шеф.

— Хм... Тебе же известно, что норвежские нефтяные скважины не высохли, они законсервированы до тех пор, пока цены на нефть не начнут расти.

— Именно это я и хотел сказать, да.

Хаген покачал головой:

— А я-то думал, что с годами ты повзрослеешь.

— Какое разочарование, а? Мы не становимся умнее, только старше. От Катрины все еще ничего нет?

Хаген посмотрел на свой телефон:

— Нет.

— Позвоним ей еще раз?

— Халлстейн! — раздался крик из гостиной. — Дети хотят, чтобы ты снова стал ястребом!

Халлстейн Смит удрученно, но довольно вздохнул и положил «Альманах о сексе» Франсиса Твинна на кухонный стул. Было бы, конечно, интересно узнать, считается ли принятое на острове Тробрианд у берегов Новой Гвинеи покусывание женских ресниц актом страсти, но он не нашел в книге ничего, на что можно сослаться в докторской диссертации, а значит, большую радость он получит, если порадует своих детей. То, что он устал после предыдущей игры, тоже было не важно: в конце концов, день рождения только раз в году. То есть четыре раза в году, если у тебя четверо детей. Шесть, если они настаивают, чтобы на праздновании дней рождения родителей устраивали детский стол. Двенадцать, если отмечать раз в полгода. Он направлялся в гостиную, где дети уже ворковали голубиными голосами, ожидая его появления, и тут раздался звонок в дверь.

Как только Халлстейн Смит открыл дверь, женщина, стоявшая на крыльце, откровенно вытаращилась на его голову.

— Съел позавчера что-то с орехами, — объяснил он, почесывая раздраженную, покрытую крапивницей кожу на лбу. — Через пару дней пройдет.

Он посмотрел на женщину и понял, что ее внимание привлекла не сыпь на коже.

— А, это, — сказал он, снимая головное украшение. — Это должно изображать голову ястреба.

— Вообще-то, больше похоже на курицу, — заметила женщина.

— На самом деле это пасхальный цыпленок, но мы называем его ястребом-тетеревятником.

— Меня зовут Катрина Братт, я из отдела по расследованию убийств полиции Осло.

Смит склонил голову набок:

— Да, конечно, я ведь видел вас вчера в новостях по телевизору. Это насчет того сообщения в «Твиттере»? Телефон у меня разрывается, я совершенно не собирался поднимать столько шума.

— Я могу войти?

— Конечно, но надеюсь, вы ничего не имеете против немного... э-э... шумных детей.

Смит попросил детей некоторое время самим побыть ястребами и прошел на кухню вместе с женщиной из полиции.

— Судя по вашему внешнему виду, вам необходима чашка кофе, — сказал Смит и, не дожидаясь ответа, налил ей кофе.

— Вчерашний день неожиданно получился очень длинным, — произнесла женщина. — Я проспала и пришла к вам, буквально выскочив из постели. К тому же я умудрилась забыть дома свой мобильный, поэтому хотела попросить разрешения воспользоваться вашим, чтобы позвонить на работу.

Смит протянул ей свой телефон и заметил, как она растерянно смотрит на антикварный аппарат «Эрикссон».

— Дети называют его телефоном для дураков. Помочь вам?

— Думаю, я еще помню, как им пользоваться, — сказала Катрина. — Расскажите мне, что вы видите на этой картинке.

Пока она набирала номер, Смит разглядывал фотографию, которую она дала ему.

— Железная челюсть, — сказал он. — Из Турции?

— Нет, из Каракаса.

— Вот как. Я просто знаю, что похожая железная челюсть находится в археологическом музее в Стамбуле. Считается, что такие челюсти использовали солдаты армии Александра Македонского, но эта теория подвергается сомнению историками, полагающими, что железными челюстями представители высших классов пользовались в неких садомазохистских играх. — Смит почесал сыпь. — Значит, он воспользовался такой челюстью?

— Мы не знаем наверняка. Мы делаем выводы, основываясь на ранах на шее жертвы, ржавчине и остатках черной краски.

— Ага! — воскликнул Смит. — Тогда нам надо в Японию.

— Вот как? — Братт приложила телефон к уху.

— Возможно, вы видели японских женщин с выкрашенными в черный цвет зубами? Нет? Эта традиция называется охагуро, что означает «тьма, наступившая после заката».

солнца». Начало ей было положено во время периода Хэйан около восьмого века нашей эры. И... э-э... мне продолжать?

Женщина выразила согласие взмахом руки.

— Утверждают, что в Средние века на севере жил один могол, который заставлял своих солдат использовать выкрашенные в черный цвет железные челюсти. Эти зубы нужны были прежде всего для устрашения, но их также можно было применять в ближнем бою. Если враг подходил так близко, что ни оружие, ни руки и ноги не могли помочь, зубы все еще можно было использовать, чтобы рвать ему горло.

Женщина подала знак, что дозвонилась.

— Привет, Гуннар, это Катрина. Я просто хотела сказать, что прямо из дому поехала побеседовать с профессором Смитом... Да, это он написал сообщение в «Твиттере». А мой телефон остался дома, и если кто-то пытался со мной связаться... — Она какое-то время слушала. — Ты шутишь.

Она слушала еще несколько секунд.

— Харри Холе просто вошел в дверь и заявил, что хочет поработать над этим делом? Поговорим об этом позже. — Она вернула телефон Смигу. — А теперь расскажите мне, что такое вампиризм?

— Тогда, — сказал Смит, — мне кажется, нам стоит пройтись.

Катрина шла рядом с Халлстейном Смитом по гравийной дорожке от главного фермерского дома к хлеву. Он поведал ей, что хутор и девять гектаров земли они с женой получили в наследство и что всего лишь два поколения назад по этой земле в Грини ходили коровы и лошади, а ведь отсюда всего несколько километров до центра Осло. Однако небольшой участок земли с лодочным сараем на острове Несэя, которые тоже были частью наследства, представляли собой бóльшую ценность — во всяком случае, судя по предложениям о покупке, которые они получали от своих сказочно богатых соседей.

— До острова далеко, и это непрактично, но мы не будем продавать, пока не припрет. У нас всего лишь дешевая алюминиевая лодка с мотором в двадцать пять лошадей, но я люблю ее. Не говорите моей жене, но я больше люблю море, чем эту крестьянскую землю.

— Я сама девочка с побережья, — сказала Катрина.

— Из Бергена, так ведь? Обожаю бергенский диалект. Я год проработал в психиатрическом отделении больницы в Саннвикене. Там красиво, но дождливо.

Катрина медленно кивнула:

— Да, я попадала под дождь в Саннвикене.

Они подошли к хлеву. Смит вынул ключ и отпер навесной замок.

— Солидный замок у вас на хлеве, — заметила Катрина.

— Предыдущий был слишком маленьким, — сказал Смит, и Катрина услышала горечь в его голосе.

Она перешагнула через порог и вскрикнула, наступив на что-то податливое. Она посмотрела вниз и увидела металлическую пластину длиной два с половиной метра и шириной в метр, врезанную в цементный пол и расположенную на одном уровне с ним. Ощущение было такое, что пластина стояла на пружинах и легко дрожала и дребезжала, соприкасаясь с цементом, пока не приходила в состояние покоя.

— Пятьдесят восемь килограммов, — сказал Смит.

— Что?

Он кивнул налево, где большая стрелка на полукруглой шкале колебалась где-то между отметками 50 и 60, и Катрина поняла, что стоит на старомодных весах для взвешивания крупного скота. Она прищурилась:

— Пятьдесят семь и шестьдесят восемь сотых.

Смит рассмеялся:

— В любом случае вам далеко до забойного веса. Должен признаться, что каждое утро пытаюсь перепрыгнуть через эти весы: мне не нравится мысль о том, что любой день может стать для меня последним.

Они прошли мимо ряда стойл и остановились у двери конторского вида. Смит отпер ее. В офисе находился письменный стол с компьютером, окно с видом на уголья, рисунок, изображавший человека-вампира с большими тонкими крыльями, как у летучей мыши, длинной шеей и квадратным лицом. Полки за столом были лишь наполовину заполнены папками и несколькими десятками книг.

— Все, что когда-либо издавалось на тему вампиризма, вы видите здесь, — сказал Смит, проводя рукой по книгам, — так что можно составить полную картину. Но если мы должны ответить на ваш вопрос о том, что такое вампиризм, давайте начнем с издания Ванденберга и Келли тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года.

Он взял с полки книгу, раскрыл ее и прочитал:

— «Вампиризм — это действие по извлечению крови из объекта, обычно из объекта, к которому испытываешь чувство любви, ради достижения сексуального возбуждения и удовлетворения». Это сухое определение. Но вы хотите знать больше, не так ли?

— Думаю, да, — произнесла Катрина, разглядывая изображение человека-вампира.

Красивое произведение искусства. Простое. Одинокое. И от него так веяло холодом, что она машинально плотнее закуталась в куртку.

— Давайте немного углубимся, — сказал Смит. — Во-первых, вампиризм не является какой-то новомодной находкой. Название, естественно, отсылает к мифам о кровожадных существах в людском облике, существовавших давным-давно преимущественно в Восточной Европе и Греции. Но современное представление о вампирах возникло прежде всего благодаря роману «Дракула» Брэма Стокера, вышедшему в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, и первым фильмам о вампирах тысяча девятьсот тридцатых годов. Некоторые ученые живут в заблуждении, что вампирист, который является обычным, но большим человеком, вдохновляется прежде всего этими мифами. Они забывают, что вампиризм упоминается уже у... — Он вытащил старую книгу в коричневом рассыпающемся переплете. — У Рихарда фон Крафт-Эбинга в его «Сексуальной психопатии» тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, то есть *до того*, как мифы получили широкую известность.

Смит аккуратно поставил книгу обратно на полку и достал другую.

— Мои собственные исследования основываются на том, что вампиризм состоит в родстве, например, с некрофагией, некрофилией и садизмом. Так же считает и автор вот этой книги, Бургиньон. — Смит начал листать страницы. — В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году он пишет: «Вампиризм — это редкое компульсивное расстройство личности, характеризующееся непреодолимой потребностью поглощать кровь. Вампирист проходит через ритуал, совершенно необходимый для достижения ментального успокоения, но — как и при других навязчивых состояниях — сам вампирист не понимает значения этого ритуала».

— То есть вампирист просто делает то, что делают вампиристы? Проще говоря, они не могут поступать иначе?

— Это сильное упрощение, но примерно так.

— Какая-нибудь из этих книг может помочь нам составить психологический портрет убийцы, извлекающего кровь из своих жертв?

— Нет, — ответил Смит, убирая книгу Бургиньона обратно на полку. — Вообще-то, она написана, но ее нет на этой полке.

— Почему?

— Потому что она не издана.

Катрина посмотрела на Смита:

— Ваша?

— Моя, — улыбнулся Смит, но глаза его были грустными.

— Что случилось?

Смит пожал плечами:

— Профессиональная среда не была готова к такой радикальной психологии. А я дошел прямо до сути этого. — Он указал на один из книжных корешков. — Хершел Принс и его статья тысяча девятьсот восемьдесят пятого года в «Британском журнале психиатрии». Такое не проходит без последствий. Мне отказали по той причине, что мои результаты основываются на изучении конкретных эпизодов, а не на эмпирических исследованиях. Но иное невозможно, потому что случаев настоящего вампиризма крайне мало, и немногие встречающиеся случаи часто диагностируются как шизофрения, но все из-за недостатка знаний. Привлечь внимание к изучению вампиризма также оказалось невозможно. Я пытался, но даже те газеты, которые более чем охотно пишут об американских знаменитостях второй категории, посчитали вампиризм чем-то несерьезным, папахивающим сенсацией. А когда я наконец собрал достаточно научных результатов, чтобы разбить в пух и прах все возражения, произошло это ограбление. У меня не просто украли компьютер — у меня похитили все. — Смит махнул рукой в сторону пустых полок. — Все мои записи о пациентах, весь архив пациентов, все подчистую. А теперь некоторые злобные коллеги утверждают, что меня спас гонг, что, если бы мои материалы опубликовали, надо мной бы смеялись еще больше, потому что всем стало бы очевидно, что вампиристов не существует.

Катрина провела пальцем по рамке картинки с изображением человека-вампира:

— Кто способен вломиться в дом, чтобы украсть сведения о пациентах?

— Да кто его знает. Я подумал, что кто-то из коллег. Ждал, что кто-нибудь обнародует мои теории и результаты, но ничего подобного не произошло.

— Может, чтобы перехватить ваших пациентов?

Смит рассмеялся:

— Ну да! Они настолько сумасшедшие, что никому не нужны, уж поверьте мне. Они полезны только для научных исследований, но не могут прокормить. Если бы моя жена не зарабатывала так хорошо на своих школах йоги, мы бы не смогли сохранить ферму и лодку. Кстати, у меня там гости собрались на день рождения и ждут ястреба.

Они вышли из офиса, и, пока Смит запирает дверь, Катрина обратила внимание на небольшую камеру слежения высоко на стене над стойлами.

— Вы же знаете, что полиция больше не занимается мелкими кражами? — сказала она. — Даже если у вас будут изображения с камеры слежения.

— Да-да, — вздохнул Смит. — Это для меня. Если они вернуться, я хочу знать, с кем из коллег я имею дело. У меня есть камеры снаружи и на воротах.

Катрина не могла не улыбнуться:

— Я думала, что академические ученые — очень умные, приятные люди, которые не отрывают голову от своих исследований, а не простые воры.

— О, боюсь, мы совершаем такие же глупости, как и предположительно менее умные люди, — произнес Смит, грустно покачивая головой. — Включая меня самого, чтобы вы знали.

— Вот как?

— Ничего интересного. Простая ошибка, за которую коллеги наградили меня прозвищем. Но это было давно.

Возможно, это и было давно, но Катрина заметила тень боли, скользнувшую по его лицу.

На крыльце главного фермерского дома Катрина протянула Смитру свою визитку:

— Я буду очень признательна, если вы не станете рассказывать журналистам о нашем разговоре. Люди испугаются, если подумают, что, по мнению полиции, на свободе разгуливает вампир.

— О, журналисты вряд ли будут мне звонить, — сказал Смит, читая ее визитку.

— Почему же? «ВГ» опубликовала ваш твит.

— Но они не стали меня интервьюировать. Кто-то помнит, что я и раньше кричал «волки!».

— Кричал «волки!»?

— В девяностых годах произошло одно убийство, и я был совершенно уверен, что это дело рук вампириста. Потом еще одно дело три года назад, не знаю, помните ли вы его.

— Нет.

— Нет... В то время оно тоже не появилось на первых полосах газет. К счастью, можно сказать.

— Значит, сейчас вы кричите «волки!» в третий раз?

Смит медленно кивнул, глядя на нее:

— Да. Это в третий раз. Так что вы понимаете: у меня длинный список грехов.

— Халлстейн! — раздался женский голос из дома. — Ты идешь?

— Сию минуту, милая! Включайте противоястребиную сирену! Кра-кра-кра!

По пути к воротам Катрина слышала усиливающийся крик нескольких глоток, доносившийся из дома. Истерика, предшествующая массовому убийству голубей.

Глава 9

Пятница, вторая половина дня

В 15:00 у Катрины прошла встреча с криминалистическим отделом, в 16:00 — с судебно-медицинскими экспертами, и обе они оказались удручающими. В 17:00 у нее была назначена встреча с Бельманом в кабинете начальника полиции.

— Я рад, что ты положительно восприняла наше решение пригласить Харри Холле, Братт.

— Что в этом плохого? Харри — наш самый заслуженный следователь по убийствам.

— Некоторые руководители могли воспринять это — как бы поточнее выразиться? — как вызов: позволить старой звезде заглянуть в свои карты.

— Без проблем, я всегда играю с открытыми картами, господин начальник полиции, — улыбнулась Катрина.

— Хорошо. В любом случае Харри будет руководить своей маленькой независимой группой, так что тебе не стоит беспокоиться: он не станет вмешиваться в твои дела. Просто немного здоровой конкуренции. — Бельман соединил кончики пальцев, и Катрина обратила внимание на то, что одно из розовых пигментных пятен на его коже сформировало еще одно кольцо под обручальным. — И конечно же, я буду болеть за женщину. Надеюсь, мы можем ожидать быстрых результатов, Братт.

— Ну конечно, — произнесла Катрина бесстрастным голосом и посмотрела на часы.

— Что «ну конечно»? — спросил он с раздражением.

— Ну конечно вы надеетесь на быстрые результаты.

Она понимала, что намеренно провоцирует начальника полиции. Не потому, что ей этого хотелось. А потому, что иначе она не могла.

— Вам тоже стоило бы на это надеяться, инспектор Братт. Такие должности, как ваша, на деревьях не растут, и женское квотирование здесь ни при чем.

— Раз так, постараюсь честным трудом добиться результатов.

Она не отводила взгляда от его лица. Казалось, глазная повязка оттеняет неповрежденный глаз, его яркость и красоту. И жесткую, беспощадную ярость.

Катрина задержала дыхание.

Неожиданно Бельман громко расхохотался:

— Ты мне нравишься, Катрина. Но я должен дать тебе несколько советов.

Она ждала, готовая к чему угодно.

— Я думаю, что на следующей пресс-конференции говорить должна ты, а не Хаген. И ты должна сделать упор на то, что дело это крайне трудное, ведь у нас нет никаких ниточек, и мы должны быть готовы к тому, что расследование продлится долго. Тогда журналисты не будут так нетерпеливы и дадут нам больше пространства для действий.

Катрина сложила руки на груди:

— Это может также придать храбрости убийце и заставить его нанести новый удар.

— Вряд ли убийца руководствуется написанным в газетах, Братт.

— Ну раз вы так считаете, то ладно. Но сейчас мне надо готовиться к следующему заседанию следственной группы.

Катрина заметила безмолвное предостережение в его взгляде.

— Хорошо. И сделай так, как я сказал. Скажи прессе: это самое трудное дело из всех,

что у тебя были.

— Я...

— Своими словами, конечно. Когда следующая пресс-конференция?

— Мы отменили сегодняшнюю, потому что у нас нет ничего нового.

— Ладно. Помни, что, если мы представим дело трудным, нам будет больше чести за его раскрытие. И мы не врем, у нас ведь ничего нет, правда? Кроме того, пресса любит большие страшные тайны. Смотри на это как на беспроигрышную ситуацию, Братт.

«Черта с два», — думала Катрина, спускаясь по лестнице на шестой этаж, в отдел по расследованию убийств.

В 18:00 Катрина начала заседание следственной группы, подчеркнув, как важно писать рапорты и вовремя сохранять их в общей компьютерной системе. Поскольку этого не было сделано после первого допроса Гейра Селле, того человека, который познакомился с Элисой Хермансен в «Тиндере» и встречался с ней в вечер убийства, другой следователь вновь связался с ним.

— Одно дело, что это дополнительная работа, а другое дело — у людей создается впечатление, что в Полицейском управлении правая рука не знает, что делает левая.

— Наверное, это ошибка компьютера или системы, — сказал Трульс Бернтсен, хотя Катрина не упомянула его имени. — Я все написал и отправил.

— Торд?

— В последние сутки не поступало сообщений об ошибках системы, — произнес Торд Грен, поправил очки и поймал умоляющий взгляд Катрины, который истолковал правильно. — Но вполне возможно, что-то случилось с твоим компьютером, Бернтсен, я проверю его.

— Раз уж ты начал, Торд, не мог бы ты рассказать нам о твоём последнем гениальном ходе?

Компьютерный эксперт покраснел, кивнул и начал говорить зажатым неестественным голосом, как будто читал по бумажке:

— Локализация. Большинство людей, имеющих мобильные телефоны, позволяют некоторым приложениям, установленным на их аппаратах, собирать данные об их местоположении в каждый момент времени. Многие даже не знают, что позволяют.

Пауза. Торд сглотнул, и Катрина сообразила, что именно это он и делает: он написал себе доклад, выучил его наизусть и теперь читает по памяти, хотя Катрина не просила его выступать на заседании группы.

— Условием установки многих приложений является то, что они свободно могут продавать сведения о локализации абонента коммерческим третьим лицам, но не полиции. Таким коммерческим третьим лицом является компания «Геопард». Она собирает сведения о локализации, и в ее уставе нет никаких запретов на дальнейшую продажу этих сведений государственным органам, то есть полиции. При выходе из тюрьмы лиц, отбывавших срок за сексуальные преступления, у них берут контактные данные, то есть адрес, номер мобильного телефона и адрес электронной почты, поскольку мы рутинно проверяем этих людей при расследовании преступлений, схожих с теми, за которые они были осуждены. Это делается, поскольку считается, что у преступников, совершивших преступление на сексуальной почве, крайне велик риск рецидива. Но современные исследования полностью это опровергают: риск того, что изнасилование повторится, крайне низок. Радио-4 Би-би-си недавно

сообщило, что вероятность того, что преступник снова попадет за решетку, составляет шестьдесят процентов в США и пятьдесят процентов в Великобритании. И часто за то же самое преступление. Но только не за изнасилование. По статистике американского Министерства юстиции, снова попадают за решетку за такое же преступление в течение трех лет семьдесят восемь и восемь десятых процента людей, пойманных за угон автотранспорта, семьдесят семь и четыре десятых процента осужденных за хранение и сбыт краденого и так далее. Что касается изнасилований, то обратно за решетку попадает лишь два с половиной процента преступников.

Торд остановился, видимо заметив, что терпение членов группы к подобного рода отступлениям на исходе. Он кашлянул:

— Ну да ладно. Когда мы направляем в «Геопард» эти контактные данные, компания может предоставить нам карту местонахождения телефона интересующих нас людей, при условии, что они используют функцию локализации в определенный период времени, например в среду вечером.

— Насколько точно? — выкрикнул Магнус Скарре.

— Несколько квадратных метров, — ответила Катрина. — Но GPS двухмерен, так что мы не можем видеть в высоту, то есть на каком этаже находился телефон.

— А это правда законно? — спросила Гина, женщина-аналитик. — Я хочу сказать, правила защиты личной информации...

— ...не успевают идти в ногу со временем, — прервала ее Катрина. — Я говорила с полицейским адвокатом, который утверждает, что это в серой зоне, но едва ли нарушает действующее законодательство. А то, что не является незаконным, как известно... — Она махнула рукой, но никто из собравшихся не захотел закончить предложение за нее. — Продолжай, Торд.

— После юридического согласования с полицейским адвокатом и экономического согласования с Гуннаром Хагеном мы купили сведения о локализации. Карты ночи убийства дают нам GPS-координаты девятидесяти одного процента ранее осужденных за сексуальные преступления... — Торд остановился и задумался. — Да.

Катрина поняла, что на этом написанный доклад заканчивался. Вот только она не поняла, почему по комнате не прокатилась волна восторженного шепота.

— Люди, вы что, не понимаете, сколько рабочего времени мы сэкономили? Если бы мы пользовались старыми методами, чтобы исключить стольких потенциальных подозреваемых...

Раздалось тихое покашливание. Вольф, самый старший из присутствующих. Ему давно пора на пенсию.

— Раз ты говоришь «исключить», значит эти карты не выявили совпадений с адресом Элисы Хермансен?

— Да, — сказала Катрина и развела руками. — И нам осталось проверить, есть ли алиби всего лишь у восьми процентов.

— Ну, местоположение твоего телефона не предоставляет тебе настоящего алиби, — заметил Скарре, оглядываясь в поисках одобрения.

— Ты понимаешь, что я имею в виду, — удрученно произнесла Катрина.

Что случилось с этими людьми? Они собрались здесь, чтобы расследовать убийство, а не чтобы высасывать энергию друг из друга.

— Криминалистический отдел, — сказала она и села в зал, чтобы некоторое время не

видеть этих людей.

— Не так много, — ответил Бьёрн Хольм, поднимаясь. — Лаборатория изучила краску из раны. Это довольно специфическая вещь. Мы думаем, что это железная стружка, растворенная в уксусе, с добавлением растительного танина из чая. Мы проверили: это может иметь отношение к старинной японской традиции красить зубы в черный цвет.

— Охагуро, — сказала Катрина. — «Тьма, наступившая после заката солнца».

— Да, верно, — ответил Бьёрн, бросив на нее такой же ободряющий взгляд, как во время завтраков в кафе, когда ей изредка удавалось обставить его, отвечая на вопросы викторины из газеты «Афтенпостен».

— Спасибо, — произнесла Катрина.

Бьёрн сел на место.

— Теперь перейдем к самому главному. К тому, что «ВГ» называет источником, а мы называем стукачом.

В зале, и без того тихом, воцарилась полная тишина.

— Одно дело — это вред, который уже нанесен: убийца знает, что нам известно, и может принять меры. Гораздо хуже то, что мы, собравшиеся в этом зале, не знаем, можем ли мы доверять друг другу. Поэтому сначала я спрошу прямо: кто разговаривал с «ВГ»?

К своему удивлению, она увидела поднятую руку.

— Да, Трульс?

— Мы с Мюллером говорили с Моной До сразу после вчерашней пресс-конференции.

— Ты имеешь в виду Виллера?

— Я имею в виду того новичка. Никто из нас ничего не сказал. Но дамочка дала тебе визитку, так ведь, Мюллер?

Все взгляды устремились на Андерса Виллера, лицо которого под светлой челкой покраснело, как мак.

— Я... да. Но...

— Мы все знаем, что Мона До — криминальный репортер из «ВГ», — сказала Катрина. — Никакая визитная карточка не нужна, ведь можно просто позвонить на коммутатор и связаться с ней.

— Это ты, Виллер? — спросил Магнус Скарре. — Признавайся, у всех новичков есть право на определенную квоту ошибок.

— Но я не разговаривал с «ВГ», — произнес Виллер с отчаянием в голосе.

— Бернтсен только что сообщил, что вы разговаривали! — выкрикнул Скарре. — Хочешь сказать, что Бернтсен врет?

— Нет, но...

— Тогда выкладывай!

— В общем, она сказала, что у нее аллергия на кошек, а я сказал, что у меня кошка.

— Вот видишь, значит, вы разговаривали! Что еще?

— Возможно, источник — это ты, Скарре, — раздался из дальнего конца зала глубокий спокойный голос, и все обернулись.

Никто не слышал, как он вошел. Этот высокий человек скорее лежал, чем сидел на стуле у задней стены зала.

— Кстати, о кошках, — сказал Скарре. — Смотрите, во что они нас втянули. Я не разговаривал с «ВГ», Холе.

— Ты или кто угодно из присутствующих мог непреднамеренно дать слишком много

информации кому-нибудь из свидетелей, с которыми разговаривал. А тот мог позвонить в газету и рассказать, что слышал это прямо из ваших уст. Вот отсюда «источник в полиции». Такое происходит постоянно.

— Прости, но в это здесь никто не верит, Холе, — фыркнул Скарре.

— А надо бы, — заметил Харри. — Потому что никто из присутствующих все равно не признается, что разговаривал с «ВГ», а если вы все будете ходить и думать, что среди вас крот, то все ваше расследование застопорится.

— Что он вообще здесь делает? — спросил Скарре у Катрины.

— Харри создаст проектную группу, которая будет работать параллельно с нами, — ответила Катрина.

— И пока состоит только из одного человека, — сказал Харри. — Я пришел, чтобы заказать материалы. Те восемь процентов, которые неизвестно где находились в момент убийства. Можно получить список этих людей и распределить их в соответствии с продолжительностью последнего срока, к которому их приговорили?

— Это я могу организовать! — ответил Торд, осекся и вопросительно посмотрел на Катрину.

Она кивнула, давая понять, что все в порядке:

— Что еще?

— Список преступников, совершивших изнасилование, которых Элиса Хермансен отправила за решетку. Это все.

— Записано, — сказала Катрина. — Но уж поскольку ты здесь, поделись первыми впечатлениями?

— Ну что же... — Харри огляделся. — Я знаю, что судмедэкспертиза обнаружила смазку, скорее всего оставленную преступником, но нельзя исключать, что основной мотив — месть, а сексуальные действия — бонус. Очевидность того, что убийца находился в квартире, когда Элиса вернулась домой, не бесспорна, она могла впустить его, или они могли быть лично знакомы. Поэтому на столь ранней стадии я бы не стал устанавливать подобные рамки. Но наверное, над этим вы и сами долго думали.

Катрина криво улыбнулась:

— Так или иначе, хорошо, что ты вернулся, Харри.

Лучший, а может быть, и худший, но несомненно овеянный мифами следователь по расследованию убийств полиции Осло умудрился поклониться из своего полулежачего положения:

— Спасибо, шеф.

— Ты говорил серьезно, — сказала Катрина, когда они с Харри ехали в лифте.

— Ты о чем?

— Ты назвал меня шефом.

— Конечно, — ответил Харри.

Они вышли в гараже, и Катрина нажала кнопку на ключах от машины. Где-то в темноте мелькнул огонек и раздался писк. Именно Харри убедил ее в необходимости пользоваться служебной машиной, которая автоматически предоставлялась в ее распоряжение при расследовании убийств, подобных этому. Убедил и в том, что она должна отвезти его домой, а по дороге — в ресторан «Шрёдер».

— Что случилось с твоим таксистом? — спросила Катрина.

— Эйстейном? Уволен.

— Тобой?

— Нет, ни в коем случае. Владельцем такси. Был один случай.

Катрина кивнула, вспомнив Эйстейна Эйкеланна, длинноволосого скелета с зубами как у торчка и голосом как у любителя виски, который выглядел лет на семьдесят, но на самом деле был другом детства Харри. Одним из двух, по словам Харри. Второго звали Треской, и он был, если такое вообще возможно, еще более экстравагантным типом: тучным неприятным офисным служащим, который в ночное время суток преображался в мистера Хайда и играл в покер.

— А что случилось? — спросила Катрина.

— Мм... Ты хочешь знать?

— Да ладно тебе, рассказывай.

— Эйстейн не выносит свирель.

— Да ты что, а кто выносит?

— В общем, он отправился в длительную поездку в Тронхейм с одним человеком, который может путешествовать только на такси, поскольку испытывает страх перед самолетами и поездами. Кроме того, у парня проблемы с контролем гнева, и он всегда возит с собой диск с записями старых поп-хитов, которые исполняются на свирели. Он должен слушать этот диск, когда делает дыхательные упражнения для того, чтобы не слететь с катушек. И вот однажды посреди ночи, где-то на Доврском плоскогорье, когда свирельная версия «Careless Whisper» пошла на седьмой круг, Эйстейн выхватывает диск из проигрывателя, открывает окно и вышвыривает диск. Начинается рукопашная.

— Рукопашная — хорошее слово. А песня и в исполнении Джорджа Майкла не очень.

— В итоге Эйстейн вытолкнул парня из машины.

— На ходу?

— Нет. Но в самом пустынном месте Доврского плоскогорья, посреди ночи, в двадцати километрах от ближайшего жилья. В свою защиту Эйстейн говорит, что дело было в июле, что прогноз обещал погоду без осадков и что вряд ли у парня мог быть вдобавок ко всему остальному страх ходьбы.

Катрина рассмеялась:

— И теперь он безработный? Тебе бы следовало нанять его личным водителем.

— Я пытаюсь найти ему работу, но Эйстейн, по его собственным словам, создан для того, чтобы быть безработным.

Ресторан «Шрёдер», несмотря на название, был скорее баром, чем рестораном. Обычные послеобеденные клиенты уже находились на своих местах и благосклонно кивали Харри, не выражая ничего вербально.

Официантка же, напротив, засияла так, словно увидела вернувшегося блудного сына, и подала ему кофе, который определенно не был причиной того, что иностранные туристы в последнее время стали считать Осло одним из городов, где подают лучший в мире кофе.

— Жалко, что у вас с Бьёрном не срослось, — сказал Харри.

— Да.

Катрина не знала, хочет ли он, чтобы она углубилась в эту тему. И хочется ли ей самой углубляться. Поэтому она просто пожала плечами.

— Ну что же... — произнес Харри, поднося кофейную чашку ко рту. — Как живется вновь одинокой?

— Интересуешься жизнью одиноких?

Он засмеялся. И ей внезапно стало ясно, что она скучала по этому смеху. Скучала по возможности вызывать этот смех, потому что он всегда звучал как награда.

— Одинокая жизнь хороша, — сказала Катрина. — Я встречаюсь с мужчинами.

Она посмотрела на него в ожидании реакции. Надеялась ли она на реакцию?

— В таком случае надеюсь, что Бьёрн тоже встречается с женщинами. Так лучше для него.

Катрина кивнула. Но на самом деле она об этом не думала. И тут, как ироничное отступление, прозвучал веселый звоночек «Тиндера», и Катрина заметила, как женщина, одетая в отчаянно красное, поспешила к выходу.

— Почему ты вернулся, Харри? Последнее, что ты мне сказал, — ты никогда больше не будешь работать над убийствами.

Харри покрутил в руках чашку:

— Бельман пригрозил выгнать Олега из Полицейской академии.

Катрина покачала головой:

— Бельман действительно самый большой козел на двух ногах со времен императора Нерона. Он хочет, чтобы я соврала журналистам и сказала им, что это дело раскрыть почти невозможно. Хочет выставить себя в более выгодном свете, когда мы его раскроем.

Харри посмотрел на часы:

— Что ж, может, Бельман и прав. Убийца, кусающий железными зубами и выпивающий из жертвы пол-литра крови, — тут уж речь идет больше о самом убийстве, чем о жертве. И тогда дело автоматически усложняется.

Катрина кивнула. На улице светило солнце, и все же ей показалось, что она услышала отдаленные раскаты грома.

— Фотография трупа Элисы Хермансен на месте убийства, — произнес Харри. — Она вызвала у тебя какие-нибудь ассоциации?

— Укусы на шее? Нет.

— Я говорю не о деталях, я говорю... — Харри обернулся и посмотрел в окно, — о целостной картине. Иногда слушаешь музыку, которую никогда раньше не слышал, в исполнении неизвестной тебе группы — и все равно понимаешь, кто написал песню. Потому что в этом есть нечто. Нечто, чему сложно дать определение.

Катрина посмотрела на его профиль. Щетка коротко стриженных светлых волос была такой же своенравной, как раньше, хотя, возможно, не такой густой. На лице появилось несколько новых линий, углубления и впадины стали глубже, и даже несмотря на то, что вокруг глаз появились мимические морщинки, брутальность его лица стала заметнее. Она никогда не понимала, почему считала его таким красивым.

— Нет, — повторила она, покачав головой.

— Ладно.

— Харри...

— Мм?

— Ты действительно вернулся из-за Олега?

Харри повернулся и посмотрел на нее, приподняв бровь:

— Почему ты об этом спрашиваешь?

И сейчас, так же как и раньше, она ощутила: этот взгляд бьет ее, словно электрическим током. Харри, умевший быть таким далеким, таким отстраненным, только посмотрев на тебя

одну секунду, мог враз отместить все остальное, потребовать — и получить — твое внимание полностью и безраздельно. словно в ту секунду во всем мире существовал только один мужчина.

— В самом деле, — сказала она и хохотнула, — почему я спрашиваю об этом? Поехали дальше.

— Эва через «э». Мама с папой хотели, чтобы я была единственной в своем роде. А потом выяснилось, что это имя довольно обычное в странах железного блока.

Она засмеялась и отпила пива из полулитровой кружки, потом открыла рот и большим и указательным пальцем стерла помаду из уголков рта.

— Железный занавес и восточный блок, — сказал мужчина.

— Чего?

Она посмотрела на него. Ну разве он не симпатяга? Гораздо симпатичнее тех, кто обычно с ней совпадает. Значит, с ним что-то не так, и постепенно станет ясно, что именно, как всегда и бывает.

— Ты медленно пьешь, — добавила она.

— Ты любишь красное. — Мужчина кивнул на пальто, которое она повесила на спинку стула.

— Как и тот парень-вампир, — сказала Эва, указывая на один из огромных телевизионных экранов, по которому шли новости. Футбольный матч закончился, и бар, пять минут назад забитый до отказа, начал пустеть. Она чувствовала, что немного пьяна, всего чуть-чуть. — Ты читал «ВГ»? Он *выпил* ее кровь, представляешь?

— Да, — кивнул мужчина. — А знаешь, где она выпила свой последний бокал? В ста метрах отсюда, в баре «Ревность».

— Правда?

Эва огляделась. Похоже, большинство остальных гостей были увлечены друг другом. Она еще раньше обратила внимание на мужчину, который сидел в одиночестве и смотрел на нее, но сейчас он уже исчез. И это был не Проныра.

— Конечно правда. Еще кружечку?

— Да, она точно не будет лишней, — пробормотала Эва, вздрогнув. — Уф...

Она сделала знак бармену, но тот отрицательно покачал головой. Минутная стрелка миновала магическую границу.

— Видимо, придется оставить на другой раз, — сказал мужчина.

— А теперь, раз уж ты сумел напугать меня до смерти, — произнесла Эва, — тебе придется проводить меня домой.

— Конечно, — ответил мужчина. — Ты ведь живешь в районе Тёйен, да?

— Пошли, — сказала она, натягивая красное пальто на красную блузку.

На улице ее стало немного покачивать, совсем чуть-чуть, и она почувствовала, как он деликатно поддерживает ее.

— Был у меня один такой преследователь, — сказала она. — Я называю его Пронырой. Я встречалась с ним один раз, и мы... да, мы насладились друг другом, как говорится. Но когда я не захотела снова встретиться с ним, он заревновал, ага, и стал появляться в местах, где я встречалась с другими.

— Должно быть, неприятно.

— Да уж, — засмеялась она. — Но и круто тоже: знать, что можешь кого-то околдовать

до такой степени, что он не в состоянии думать ни о ком другом, кроме тебя. — Она закашлялась.

Мужчина позволил ей просунуть руку ему под локоть. Он вежливо выслушивал ее рассказы о других околдованных ею мужчинах.

— Я, видишь ли, была красивой. Поэтому поначалу я не слишком удивилась, когда он появился. Подумала, что он, наверное, следил за мной. Но потом до меня дошло: он никоим образом не мог знать, что я приду в то место. И знаешь что? — Она резко остановилась и закачалась.

— Э-э... нет.

— Иногда мне казалось, что он *бывал* в моей квартире. Ты же понимаешь, мозг регистрирует запах людей и распознает его, даже когда мы не отдаем себе в этом отчета.

— Точно.

— Подумай только, а вдруг это он — вампир?

— Да, ну и совпадение получилось бы. Ты здесь живешь?

Эва удивленно посмотрела на фасад дома, перед которым они остановились:

— Да, здесь! Надо же, быстро дошли.

— Как известно, в хорошей компании время летит незаметно, Эва. Ну, тогда спасибо за...

— А не мог бы ты подняться наверх? Мне кажется, у меня в буфете есть бутылочка.

— Думаю, нам обоим уже хватит.

— Просто чтобы убедиться, что его там нет. Пожалуйста.

— Ну уж это крайне маловероятно.

— Смотри, в кухне свет, — сказала она, указывая на окна первого этажа. — Я уверена, что выключила его перед уходом!

— Уверена? — спросил мужчина, пряча зевок.

— Ты мне не веришь?

— Слушай, прости, но мне действительно пора домой, в постель.

Эва холодно посмотрела на него:

— Куда подевались настоящие джентльмены?

Он осторожно улыбнулся:

— Они... скорее всего, ушли домой и легли спать?

— Ха! Ты женат и соблазнился, а теперь сожалеешь об этом, да?

Мужчина оценивающе оглядел Эву, как будто жалел ее.

— Да, — ответил он. — Все именно так. Спокойной ночи.

Она вошла в подъезд, поднялась по ступенькам на высокий первый этаж и прислушалась, но ничего не услышала. Она совершенно не помнила, выключала ли она свет в кухне, а сказала это, чтобы он пошел с ней. Но теперь, после того как она произнесла эти слова вслух, ей показалось, что так все и было. И возможно, Проныра действительно находится в квартире.

Она услышала шарканье из-за двери в подвал, а потом звук открывающегося замка, и в подъезд вошел мужчина в форме охранника. Он запер дверь белым ключом, повернулся, заметил Эву и слегка вздрогнул.

— Я не слышал вас, — усмехнулся он. — Простите.

— Проблемы?

— За последнее время произошло несколько взломов подвальных кладовок, поэтому

администрация дома заказала патрулирование.

— Значит, вы работаете на нас? — Эва слегка склонила голову набок. Он тоже был совсем не плох. Не так молод, как большинство охранников. — В таком случае я могу попросить вас проверить мою квартиру? Понимаете, у меня тоже был взлом. А теперь я увидела, что в квартире горит свет, хотя я выключала его перед уходом.

Охранник пожал плечами:

— Вообще-то, мы не должны заходить в квартиры, ну да ладно.

— Наконец-то мужчина, который на что-то годен, — произнесла она, еще раз окинув его взглядом.

Взрослый охранник. Наверняка не самый умный, но солидный, надежный. И с ним нетрудно поладить. Общим знаменателем всех мужчин в ее жизни было то, что они имели все: они происходили из хороших семей, у всех были хорошие шансы получить большое наследство, хорошее образование, светлое будущее. И они боготворили ее. Но к сожалению, еще они пили так много, что все их общее светлое будущее улетучилось как дым. Возможно, настало время попробовать что-то новое. Эва встала к охраннику боком, изогнув бедро, и стала искать в сумочке связку ключей. Господи, как много у нее ключей. И возможно, она пьянее, чем ей казалось раньше.

Эва нашла нужный ключ, отперла дверь и, не скинув туфель в прихожей, прошла на кухню. Она услышала, что охранник вошел следом за ней.

— Здесь никого, — сказал он.

— Кроме нас с тобой, — произнесла Эва, облокотившись спиной о кухонный стол.

— Уютная кухня. — Охранник стоял в дверях и оглаживал свою форму.

— Спасибо. Если бы я знала, что у меня будут гости, я бы прибрала здесь.

— А может, и вымыла бы, — улыбнулся он.

— Да-да, в сутках всего двадцать четыре часа. — Она убрала со лба прядь волос и переступила ногами в туфлях на высоком каблуке. — Но если ты будешь так добр и проверишь остальные комнаты, я за это время смешаю нам по коктейлю. Что скажешь?

Она положила ладонь на новый миксер для смузи.

Охранник посмотрел на часы:

— Я должен быть по следующему адресу через двадцать пять минут, но мы проверим, не прячется ли у тебя кто-нибудь.

— Много может случиться за это время, — сказала она.

Охранник поймал ее взгляд, тихо засмеялся, провел рукой по подбородку и вышел.

Он направился в сторону комнаты, где, по всей вероятности, находилась спальня. Его удивило, насколько хорошая здесь слышимость. Он различал слова, которые мужской голос произносил в соседней квартире. Он открыл дверь. Темнота. Он нашел выключатель в комнате. Загорелась неяркая лампа.

Пустота. Неубранная постель. Опорожненная бутылка на тумбочке.

Он прошел дальше и открыл дверь в ванную. Грязные плитки. Задернутая облезлая штора.

— Кажется, ты в безопасности! — крикнул он в направлении кухни.

— Присаживайся в гостиной! — прокричала в ответ женщина.

— Хорошо, но через двадцать минут мне надо идти.

Он прошел в гостиную и уселся на диван с прогнутой спинкой. Из кухни донесся звон

бутылок и прозвучал ее пронзительный голос:

— Хочешь что-нибудь выпить?

— Да.

Он подумал, что у нее и правда неприятный голос. Чтобы не слышать такой, хочется иметь в руках пульт управления. Однако женщина была пышной, ее внешность наводила на мысли о материнстве. Он потерял что-то в кармане формы, но вещь зацепилась за подкладку.

— У меня есть джин, белое вино, — раздался из кухни голос. Как сверло. — Немного виски. Что будешь?

— Кое-что другое, — тихо пробормотал он себе под нос.

— Что ты сказал? Я принесу все!

— Д-давай, куколка, — прошептал он, отцепив предмет от подкладки кармана, и положил его на стол в гостиной, где она его точно заметит.

Он почувствовал, как подступает эрекция, и сделал глубокий вдох. Казалось, в комнате закончился кислород. Он откинулся на спинку дивана и положил ноги в ковбойских сапогах на стол рядом с железной челюстью.

Катрина Братт скользила усталыми глазами по фотографиям в свете настольной лампы. По этим лицам невозможно было сказать, что на снимках насильники, что они насиловали женщин, мужчин, детей, стариков, в некоторых случаях пытали их, в других — убивали. Да, если бы вам рассказали о содеянном ими в мельчайших ужасных подробностях, вы бы, конечно, разглядели что-нибудь в оступелых, часто испуганных взглядах этих заключенных. Но, встретив их на улице, вы бы просто прошли мимо, даже не подозревая, что, возможно, за вами следят, вас оценивают и, к счастью, приходят к выводу, что вы не годитесь в качестве жертвы. Некоторые имена она помнила со времен работы в отделе нравов, другие были ей незнакомы. Она видела много новых имен. Насильник рождается каждый день. Невинное, крошечное человеческое дитя, детский крик, заглушаемый криками роженицы, связь с жизнью через пуповину, дар, заставляющий родителей плакать от счастья, дитя, которое в своей дальнейшей жизни распорет влагилице связанной женщины, дрожа при этом, и женские крики заглушат его хриплые стоны.

Половина следственной группы начала обзванивать этих насильников, сначала тех, кто совершил наиболее тяжкие преступления. Полицейские собирали алиби и проверяли их, но до сих пор не удалось установить, что кто-либо из известных полиции насильников находился поблизости от места преступления. Вторая половина группы допрашивала бывших любовников, друзей, коллег и родственников. Статистика убийств в Норвегии свидетельствует: в восьмидесяти процентах случаев убийца был знаком с жертвой, и даже в девяноста процентах случаев, если жертвой оказывалась женщина, убитая в собственном доме. И все же Катрина не надеялась отыскать «своего» в этой статистике. Потому что Харри прав, это не тот тип убийства. Личность жертвы — второстепенный фактор. Полицейские также изучили список сексуальных преступников, против которых свидетельствовали клиенты Элисы, но Катрина слабо верила в то, что насильник — такой, каким его видел Харри, — убил одним выстрелом двух зайцев: сладость мести и сексуальное удовлетворение. Впрочем, почему удовлетворение? Она попыталась представить себе насильника, который лежит после совершения преступления, обнимая жертву, держит в зубах сигарету и с улыбкой шепчет: «Это было прекрасно». Харри же, напротив, говорил о сексуальном

разочаровании серийного убийцы, который боится, что никогда не получит всего, что хочет, и это заставляет его продолжать охоту в надежде, что со следующей жертвой у него получится, все будет превосходно, им разрешатся, он будет вновь рожден под крики роженицы, после чего перережет пуповину, связывающую его с человечностью.

Катрина опять обратилась к фотографии лежащей на кровати Элисы Хермансен, пытаясь увидеть то же, что сумел разглядеть Харри. Или расслышать. Музыка, разве не так он сказал? Она сдалась и закрыла лицо руками. Что заставило ее поверить, будто ее психика подходит для подобной работы? «Биполярное расстройство может быть на руку только людям искусства», — сказал психиатр в последний раз, когда она была у него, а потом выписал ей новый рецепт на маленькие розовые таблеточки, держащие ее на плаву.

Были выходные дни, и нормальные люди занимались нормальными делами, они не сидели в офисах и не разглядывали кошмарные фотографии с места преступления и лица кошмарных преступников, которые могли им что-нибудь сообщить, а потом не договаривались о встрече с совпадением из «Тиндера», чтобы переспать с ним и забыть. Именно сейчас она отчаянно искала пуповину, которая связывала ее с нормальностью. Субботний ужин. Когда они жили вместе, Бьёрн несколько раз приглашал ее на субботние ужины к своим родителям в Скрейю. Ехать туда всего полтора часа, но она всякий раз находила какие-то отговорки. А вот сейчас ей больше всего на свете хотелось бы сидеть за столом с семьей своего мужа, передавать картошку, жаловаться на погоду, нахваливать новый диван, жевать сухой стейк из оленины и участвовать в медленном, но безопасном разговоре, при котором взгляды и кивки будут добрыми, шутки — старыми, а раздражающие моменты можно будет спокойно пережить, да что там, сейчас ей хотелось, чтобы не обошлось без них.

— Привет.

Катрина вздрогнула. В дверном проеме стоял мужчина.

— Я проверил последнего человека из моей стопки, он ни при чем, — сообщил Андерс Виллер. — Так что, если дел больше нет, я пойду домой и немного посплю.

— Конечно. Ты уходишь последним?

— Кажется, да.

— А Бернтсен?

— Он рано закончил и уехал. Видимо, он работает более эффективно.

— Именно, — сказала Катрина и чуть было не рассмеялась, но не решилась. — Прости, что приходится тебя об этом просить, Виллер, но ты не мог бы перепроверить его стопку? Мне кажется...

— Я только что это сделал. Вроде все в порядке.

— *Все* в порядке?

Катрина поручила Виллеру и Бернтсену связаться с различными телефонными операторами, получить списки номеров телефонов и фамилий абонентов, которые разговаривали с жертвой в течение последних шести месяцев, разделить их между собой и проверить алиби.

— Ну да. Только один парень из Онебю в Ниттедале, у него еще имя оканчивается на «и». В начале лета он часто названивал Элисе, и я перепроверил его алиби.

— Оканчивается на «и»?

— Ленни Хелл. Подумайте только, что за имечко!

— Да уж. Ты подозреваешь людей в зависимости от букв, на которые заканчиваются их имена?

— Помимо прочего. Факт в том, что имена, оканчивающиеся на «и», занимают большое место в криминальной статистике.

— Так что...

— Так что, когда я заметил, что Бернтсен записал алиби Ленни — в момент убийства Элисы Хермансен он сидел вместе с другом в кафе «Онебю пицца и гриль» — и что это алиби подтвердил только владелец кафе, я связался с местным ленсманом^[12] и опросил его.

— Потому что парня зовут Ленни?

— Потому что владельца пиццерии зовут Томми.

— И что сказал ленсман?

— Что Ленни и Томми — два весьма законопослушных гражданина, которым можно доверять.

— Значит, ты ошибся.

— Это еще неизвестно. Ленсмана зовут Джимми.

Катрина громко рассмеялась. Ей это было нужно. Андерс Виллер улыбнулся в ответ. Улыбка, наверное, тоже была ей нужна. Все хотят произвести благоприятное первое впечатление, но ей вдруг пришло в голову, что, если бы она не спросила, Виллер не рассказал бы, что сделал, помимо своей, работу Бернтсена. И это доказывало, что Виллер, как и она сама, не доверяет Трульсу Бернтсену. Поначалу Катрина отбросила эту мысль, но потом передумала.

— Войди и закрой за собой дверь.

Виллер сделал, как было велено.

— Прости, но я должна попросить тебя еще об одной вещи, Виллер. Утечка в «ВГ». Ты будешь плотнее всех работать с Бернтсеном. Ты мог бы...

— Держать уши и глаза открытыми?

Катрина вздохнула:

— Что-то в этом роде. Это останется между нами, и если ты что-нибудь заметишь, то расскажешь об этом только мне. Понятно?

— Понятно.

Виллер ушел, и Катрина, подождав несколько секунд, взяла со стола телефон и набрала номер Бьёрна. Она заложила в телефон его фотографию, и та появилась на экране телефона вместе с номером. Он улыбался. Бьёрн Хольм не был похож на наливное яблоко. Лицо его было бледным, немного опухшим, а посреди рыжей шевелюры появилась сияющая белая лысина. Но это был Бьёрн. Противоядие от фотографий всех тех, других. И чего, собственно говоря, она так боится? Раз уж Харри Холе может жить с другим человеком, почему не может она? Ее указательный палец почти коснулся символа «набрать номер» рядом с цифрами, и тут в ее голове вновь прозвучал предупреждающий сигнал. Предупреждение Харри Холе и Халлстейна Смита. Следующая жертва.

Она отложила телефон и снова сосредоточилась на фотографиях.

Следующая.

Что, если убийца уже думает о следующей жертве?

— Ты должна лучше бороться, Эва, — прошептал он.

Он ненавидел, когда они не пытались бороться.

Когда они не убрали свои квартиры. Когда не заботились о своем теле. Когда не могли удержать мужчину, от которого забеременели. Когда не кормили детей ужином, когда

запирали их в чулане и велели сидеть тихо, обещая за это шоколадку, а сами принимали мужчин, которые получали ужин, шоколад, вообще все, с которыми они играли, визжа от радости, как мать никогда не играла со своим ребенком.

Ну и ладно.

А теперь ребенок поиграет с мамой. И с такими, как мама.

И он играл. Играл жестко. До тех пор, пока однажды его не заперли в чулане на улице Йоссингвейен, 33. Тюрьма Ила и отделение предварительного содержания. В уставе учреждения говорилось, что это норвежская тюрьма предварительного содержания для заключенных-мужчин с «особой потребностью в посторонней помощи».

Один из тамошних психологов-гомиков объяснил ему, что и изнасилования, и заикание вызваны психологическими травмами, полученными во время взросления. Вот идиот. Заикание он унаследовал от отца, которого никогда не видел. Заикание и грязный костюм. И он мечтал о том, что будет насилловать женщин, сколько себя помнит. И он сделал то, чего не смогли эти женщины. Он хорошо боролся. Он почти перестал заикаться. Он изнасиловал тюремную врачиху-дантиста. И сбежал из Илы. И продолжил играть. Жестче, чем когда-либо. А то, что за ним охотилась полиция, лишь обостряло игру. До тех самых пор, пока в один прекрасный день он не оказался лицом к лицу с тем полицейским и не разглядел в его глазах решимость и ненависть. И он понял, что этот человек сможет его поймать. Сможет отправить его обратно во мрак детства в запертом чулане, где он пытался дышать как можно осторожнее, чтобы не вдыхать вонь от пота и табака, исходившую от толстого засаленного отцовского шерстяного костюма, висевшего прямо перед ним. Мать говорила, что не выбрасывает его на тот случай, если отец однажды вдруг вернется. Он знал, что не сможет снова оказаться взаперти. И он спрятался. Спрятался от полицейского со взглядом убийцы. Сидел, не высовываясь, три года. Три года без игр. До тех пор, пока и такая жизнь не начала походить на запертый чулан. И вот ему выпал этот шанс. Возможность играть спокойно. Не *слишком* спокойно, конечно. Ему требовалось ощущать запах страха, чтобы по-настоящему распалиться. Своего собственного страха и их страха. Не имел значения ни их возраст, ни то, как они выглядели, ни то, были они крупными или маленькими. Лишь бы они были женщинами. Или потенциальными матерями, как сказал один психиатр-идиот. Он склонил голову набок и посмотрел на женщину. Между квартирами здесь были тонкие стены, но его это больше не беспокоило. Только сейчас, только при этом свете и на таком близком расстоянии он обратил внимание на маленькие прыщики вокруг открытого рта Эвы через букву «Э». Она, без сомнения, пыталась закричать, но это ей все равно не удалось бы, как бы она ни старалась. Потому что под открытым ртом у нее образовался второй — окровавленная открытая дыра в горле, в том месте, где раньше у нее была гортань. Он прижимал ее к стене гостиной. Розовые кровавые пузыри надувались и лопались там, где торчала оторванная трахея. Мышцы ее горла напряглись и расслабились, как у человека с обструктивной болезнью легких, когда она отчаянно пыталась плотннуть воздуха. А поскольку легкие в тот момент еще работали, ей предстояло прожить еще несколько секунд. Но сейчас его завораживало не это, а то, что он с помощью железных зубов поставил окончательную точку в ее невыносимой болтовне, перекусив напополам ее голосовые связки.

И когда свет в ее глазах начал меркнуть, он попытался отыскать в ее взгляде что-нибудь говорящее о страхе смерти, о желании прожить еще одну секунду. Но он ничего не нашел. Она должна была лучше бороться. Возможно, у нее была плохая фантазия. Или она не радовалась жизни. Он ненавидел, когда они так легко расставались с жизнью.

Глава 10

Суббота, утро

Харри бежал. Он не любил бегать. Наверняка некоторые люди бегают, потому что любят бегать. Харуки Мураками вот любил. Харри нравились книги Мураками, кроме той, о беге, ту он не дочитал. Харри бегал, потому что ему нравилось останавливаться. Ему нравились ощущения *после* бега. Ему могли бы понравиться силовые упражнения, более конкретная боль, ограниченная выносливостью мышц, а не желанием ощутить боль. Возможно, это говорило о слабости его характера, о склонности к побегу и к приему обезболивающих еще *до* наступления боли.

Тощая охотничья собака, каких содержали обеспеченные жители Хольменколлена, ходившие на охоту по выходным раз в два года, отскочила с тропинки. Ее владелец бежал в ста метрах позади нее. Последняя коллекция спортивной одежды «Under Armour». Харри успел рассмотреть технику его бега, когда они разминулись, как два поезда, идущие навстречу друг другу. Жаль, что они бегут не в одном направлении. Харри держался бы прямо за ним, дышал бы ему в затылок, сделал бы вид, что отстает, а потом обогнал бы на холмах у озера Триванн. Показал бы ему изношенные подметки своих кроссовок «аидас», купленных двадцать лет назад. Олег говорил, что во время бега Харри ведет себя совсем поребячески, и даже когда они договаривались спокойно бежать всю дорогу, кончалось все предложением Харри посоревноваться в покорении вершины последнего на дистанции холма. В защиту Харри необходимо сказать, что он находился в заведомо проигрышном положении, потому что Олег унаследовал от мамы несправедливо высокое усвоение кислорода.

Две женщины, страдающие ожирением, скорее шли, чем бежали, болтали и так тяжело дышали, что не слышали приближения Харри. Он свернул на узкую тропинку и внезапно оказался на незнакомой территории. Деревья здесь стояли плотнее, преграждая путь утреннему свету, и Харри успели охватить какие-то детские воспоминания, но потом он снова выбежал на открытую территорию. Ему был знаком страх заблудиться и никогда не найти дорогу домой. Но сейчас он твердо знал, куда ему надо, где его дом.

Некоторым людям нравился свежий воздух этого высоко расположенного района, мягкие, бегущие по пригоркам лесные тропинки, тишина и запах еловой хвои. Харри нравился вид, открывающийся на город, нравился его звук и его запах, ощущение, что к нему можно прикоснуться, нравилось знание, что в нем можно утонуть, погрузившись на самое его дно. Недавно Олег спросил, как бы Харри хотел умереть. Харри ответил, что хотел бы умереть во сне. Олег выбрал внезапную и относительно безболезненную смерть. Харри же соврал. Он бы хотел напиться до смерти в одном из баров города, раскинувшегося внизу. И он знал, что Олег тоже соврал, что он бы тоже выбрал свой бывший ад и рай и вколол бы себе смертельную дозу героина. Алкоголь и героин. Две любовницы, которых они могли оставить, но не могли забыть, сколько бы времени ни прошло.

Харри совершил последний рывок по подъездной дорожке, слушая, как гравий вылетает из-под кроссовок и падает на землю. За занавесками в окне соседнего дома он различил силуэт госпожи Сивертсен.

Харри принял душ. Ему нравилось мыться под душем. Кому-нибудь стоило написать книгу о том, что такое душ.

Вымывшись и вернувшись в спальню, он увидел стоящую у окна Рабель в одежде для работы в саду — в резиновых сапогах, рабочих перчатках, старых джинсах и поношенной шляпе. Она развернулась вполборота и убрала пару темных прядей, выбившихся из-под шляпы. Харри задумался, знает ли она, как мило выглядит в этом наряде. Вероятно.

— И-и-и, — тихо сказала она и улыбнулась. — Голый мужчина.

Харри встал позади нее, опустил руки ей на плечи и начал массировать их легкими движениями.

— Что ты делаешь?

— Смотрю в окно. Как ты думаешь, нам надо что-нибудь сделать до прихода «Эмили»? — Эмили?

— Эмили?

Рабель рассмеялась.

— Что?

— Ты так резко прекратил массаж, любимый. Расслабься, к нам придет не человек. Всего лишь ураган.

— Ах эта «Эмилия»... Послушай, наша крепость способна выдержать пару природных катаклизмов.

— Именно так мы, жители этой горы, и думаем, да?

— Что мы думаем?

— Что наша жизнь — это крепость. Непроступная. — Она вздохнула. — Мне надо съездить купить еды.

— Домашний ужин? Мы еще не были в том перуанском ресторане на улице Бадстюгата. Там не очень дорого.

Одной из холостяцких привычек Харри, к которой он пытался приобщить Рабель, было не готовить ужины дома. Она вроде бы купилась на его аргументы, что рестораны — одна из хороших идей цивилизации. Что уже в каменном веке люди понимали, что большая кухня и совместные приемы пищи гораздо разумнее, чем три часа, потраченные ежевечерне каждым человеком на планирование, закупку продуктов, их приготовление и мытье посуды. На возражения Рабели, что это слегка отдает декадансом, он отвечал, что семьи с двумя детьми, оборудующие себе кухни за миллионы крон, — *вот* настоящий декаданс. И что здоровое, не декадентское использование ресурсов — это заплатить получившим образование поварам то, что им полагается, за приготовление пищи на большой кухне, чтобы те, в свою очередь, платили Рабели за юридические услуги или Харри за обучение полицейских.

— Сегодня моя очередь, я плачу, — сказал он, обнимая ее правой рукой. — Остайся.

— Мне надо в магазин, — ответила она и скорчила гримасу, когда он прижал ее к своему еще влажному телу. — Придут Олег с Хельгой.

Он прижал ее еще крепче:

— Да? Мне показалось, ты сказала, что люди к нам не придут?

— Ты сможешь провести пару часов с Олегом и...

— Я шучу. Мне будет приятно. Но может, мы лучше...

— Нет, мы не будем приглашать их в ресторан. Хельга здесь еще не бывала, а я хочу по-настоящему с ней познакомиться.

— Бедная Хельга, — прошептал Харри и собрался укунить Рабель за мочку уха, как вдруг заметил кое-что между ее грудью и шеей.

— Что это? — Он осторожно прикоснулся кончиком пальца к красному пятнышку.

— Где? — спросила она и пощупала сама. — А, это. Врач брал анализ крови.

— Из шеи?

— Не спрашивай почему. — Она рассмеялась. — Ты такой милый, когда беспокоишься.

— Я не беспокоюсь, — возразил Харри. — Я ревную. Это *моя* шея, и я знаю, что ты испытываешь слабость к врачам.

Ракель рассмеялась, а он крепче сжал ее в объятиях.

— Нет, — произнесла она.

— Нет? — переспросил он и услышал, как ее дыхание мгновенно стало более тяжелым. Почувствовал, как ее тело словно поддалось.

— Черт бы тебя побрал, — простонала Ракель.

Она страдала тем, что сама называла «мучениями от быстрого возбуждения», а ругательства были первым признаком его наступления.

— Может, нам стоит на этом остановиться, — прошептал Харри, отпуская ее. — Садик не прибран.

— Поздно, — прохрипела Ракель.

Он расстегнул ее джинсы и стянул вместе с трусиками ниже колена, прямо до голениш сапог. Она наклонилась вперед, ухватилась одной рукой за подоконник и хотела другой рукой снять шляпу.

— Нет, — прошептал Харри, наклонившись вперед так, что его голова оказалась рядом с ее. — Пусть она останется.

В его уши полился ее тихий клокочущий смех. Боже, как он любил этот смех. Другой звук примешался к смеху — жужжание вибрирующего телефона, лежащего на подоконнике рядом с ее рукой.

— Брось его на кровать, — прошептал он, отгоняя желание взглянуть на дисплей.

— Это Катрина Братт, — сказала она.

Ракель натягивала джинсы, глядя на Харри.

Его лицо стало очень сосредоточенным.

— Как давно? — спросил он. — Понимаю.

Она видела, как он уходит от нее, прислушиваясь к звуку голоса другой женщины в телефоне. Ракель хотела протянуть к нему руки, но было уже поздно, он был не с ней. Обнаженное стройное тело с мускулами, извивающимися, как корни, под бледной кожей, все еще стояло перед ней. Взгляд глаз синего цвета, почти вымытого из радужной оболочки годами злоупотребления алкоголем, был по-прежнему устремлен на нее. Но ее он больше не видел, взгляд его был направлен внутрь. Накануне вечером Харри объяснил ей, почему ему пришлось взяться за это дело. Она не протестовала. Потому что, если Олега выгонят из Полицейской академии, он снова может попасть в порочный круг. А если бы ей пришлось выбирать между потерей Харри и потерей Олега, она выбрала бы потерю Харри. Она несколько лет тренировалась терять Харри, она знала, что может жить без него. Она не знала, может ли жить без своего сына. Но когда он объяснял, что делает это ради Олега, его слова отдались у нее в голове эхом недавно произнесенной им фразы: «Потому что может настать день, когда мне действительно потребуется солгать, и тогда будет хорошо, если ты подумаешь, что я говорю правду».

— Я сейчас же приеду, — сказал Харри. — Адрес?

Он положил трубку и начал одеваться. Быстро, ловко, точно выверенными движениями. Как машина, наконец-то делающая то, для чего была построена. Ракель наблюдала за ним,

запоминая все, как запоминают любовника, с которым предстоит разлука.

Он промчался мимо Ракели, не взглянув на нее и не попрощавшись. Она была вытеснена, удалена из его мыслей одной из двух его настоящих любовниц. Алкоголь и убийство. И их она боялась больше всего.

Харри стоял перед оранжевыми и белыми заградительными лентами, как вдруг окно первого этажа дома распахнулось и из него показалась голова Катрины Братт.

— Пропустите его! — прокричала она молодому полицейскому в форме, преграждавшему путь Харри.

— У него нет документов, — возразил полицейский.

— Это Харри Холе! — прокричала Катрина.

— Правда? — Полицейский окинул Харри взглядом с головы до ног, прежде чем поднять ленту. — Я думал, что это всего лишь слухи, — добавил он.

Харри поднялся по трем ступенькам, ведущим к открытой двери в квартиру. В помещении он прошел по тропинке из миниатюрных белых флажков, расставленных криминалистами в местах обнаружения улик. Один из криминалистов стоял на коленях и ковырялся в трещине в полу.

— Где?..

— Там, дальше, — ответил тот.

Харри остановился перед дверью, на которую ему указали. Он сделал вдох и освободил разум от мыслей. А потом вошел.

Он вбирал в себя все, что мог: свет, запахи, интерьер, все, что там было. Все, чего там *не было*.

— Доброе утро, Харри, — сказал Бьёрн Хольм.

— Можешь отодвинуться? — тихо произнес Харри.

Бьёрн отступил от дивана, над которым склонялся, и взгляду Харри открылся труп. Вместо того чтобы подойти поближе, Харри отошел на шаг назад. Сцена. Композиция. Целостность. Потом он приблизился и стал разглядывать детали. Женщина сидела на диване, раскинув ноги так, что были видны ее черные трусики. Голова была откинута на спинку дивана, длинные крашенные светлые волосы свисали с нее. Часть горла отсутствовала.

— Ее убили вон там, — сказал Бьёрн, указывая на стену у окна.

Взгляд Харри скользил по обоям и неисследованным планкам паркета.

— Меньше крови, — заметил Харри. — В этот раз он не прокусил сонную артерию.

— Может, промахнулся, — ответила Катрина, проходя в комнату из кухни.

— Если он кусал, то у него сильные челюсти, — сказал Бьёрн. — Средняя сила человеческого укуса составляет семьдесят килограммов, но здесь, судя по всему, он вырвал гортань и часть трахеи одним укусом. Даже имея острые железные зубы, для этого надо приложить значительные усилия.

— Или значительную ярость, — произнес Харри. — Ты видишь в ране ржавчину и краску?

— Нет, но их отставшие частицы, возможно, удалились, когда он кусал Элису Хермансен.

— Мм, либо так, либо здесь использовались не железные зубы, а что-то другое. И труп не перенесли на кровать.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, Харри, но это тот же самый убийца, — сказала

Катрина. — Иди взгляни.

Харри пошел за ней в кухню. Один из криминалистов брал пробы со стеклянной колбы блендера, стоявшей в раковине.

— Он сделал себе смузи, — сказала Катрина.

Харри сглотнул и взглянул на колбу. Ее внутренняя поверхность была красной.

— Из крови. И из того, что похоже на лимоны из холодильника. — Она указала на остатки желтой кожуры, валявшиеся на столешнице.

Харри почувствовал приступ тошноты. Он подумал, что это как первая рюмка, от которой трясет и хочется блевать. Еще две рюмки, и остановиться уже невозможно. Он кивнул и вышел из кухни. Быстро осмотрел ванную и спальню, а потом вернулся в гостиную. Закрыв глаза и прислушался. Женщина, поза тела, способ его расположения. Способ расположения Элисы Хермансен. И вот оно пришло, эхо. Это был он. Должен быть он.

Когда Харри снова открыл глаза, он увидел перед собой молодого человека со светлой челкой, который, кажется, был ему знаком.

— Андерс Виллер, — сказал парень. — Следователь.

— Да, конечно, — кивнул Харри. — Ты окончил Полицейскую академию год назад? Или два года?

— Два.

— Поздравляю с отличными оценками.

— Спасибо. Здорово, что вы помните мои оценки.

— Я не помню, это чистая дедукция. Ты работаешь в отделе по расследованию убийств в должности следователя всего после двух лет службы.

Андерс Виллер улыбнулся:

— Скажите, если я буду вам мешать, и я уйду. Дело в том, что я начал работать два с половиной года назад, и если здесь у нас серия, то вряд ли у кого-то будет время в ближайшее время меня обучать. И я хотел спросить, нельзя ли мне на некоторое время сесть вам на хвост, чтобы я мог поучиться. Но только если вы не возражаете.

Харри посмотрел на парня и вспомнил, что тот нередко заходил к нему в кабинет и задавал много вопросов. Так много и порой настолько не по делу, что можно было заподозрить его в холеголовии. Холеголовыми в Полицейской академии называли студентов, влюбленных в миф о Харри Холе. В некоторых исключительных случаях именно эта влюбленность становилась основной причиной их поступления в академию. Харри бегал от таких студентов как от чумы. Холеголовый или нет, но Андерс Виллер, по мнению Харри, мог далеко пойти со своими оценками, амбициями, с этой улыбочкой и способностью легко осуществлять социальные маневры. И прежде чем Виллер начнет свое возможное восхождение, такой смысленый парень может успеть сделать что-нибудь полезное, например раскрыть несколько убийств.

[Купить полную версию книги](#)

«Тиндер» — сайт знакомств.

Боже мой (*тур.*).

«Free», «Mott The Hoople», «King Crimson» — британские рок-группы 1960–1970-х гг.

Трупное окоченение (*лат.*).

«*VG*» (VG, Verdensgang) — одна из крупнейших ежедневных газет Норвегии.

Кринос — Главное управление криминальной полиции Норвегии.

«Туз из космоса» (англ.).

Иэн «Лемми» Килмистер, легендарный основатель рок-группы «Motörhead».

«Туз пик» (англ.).

Речь идет о рок-музыкантах, ушедших из жизни в 27 лет.

«Mojo», «Uncut» — британские музыкальные журналы.

Ленсман — государственный служащий в сельской местности Норвегии с полицейскими и административными полномочиями.